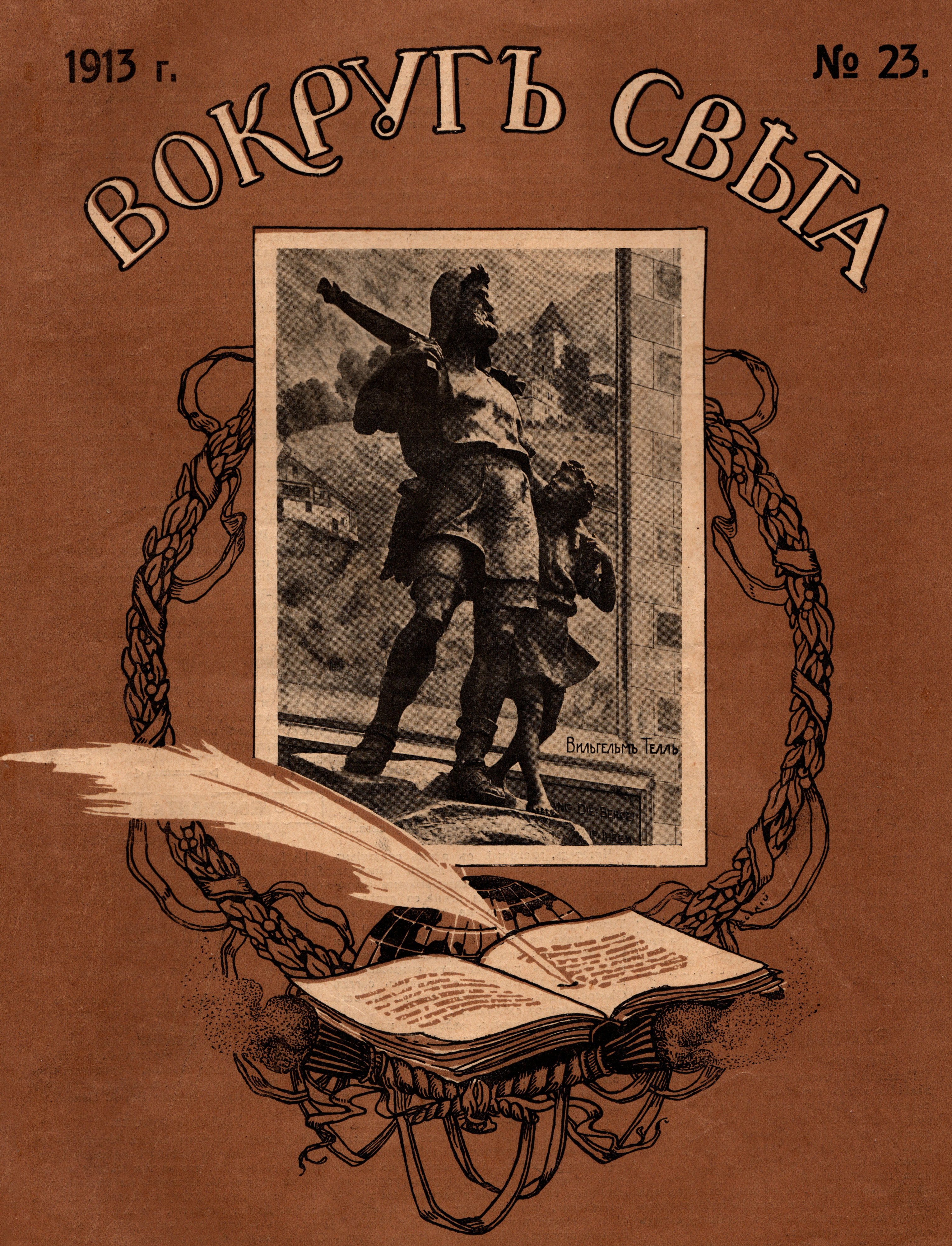
1913 г. № 23.

ВОКРУГЪ СВѢТА

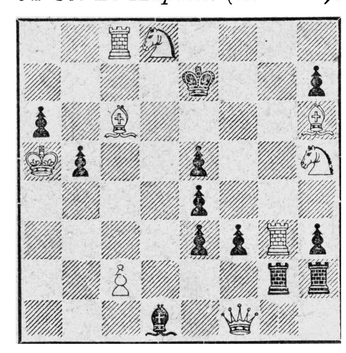
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ШАХМАТЫ.

Подъ редакціей О. С. Бернштейна.

Адресъ для писемъ и рѣшеній шахматныхъ задачъ: Москва, у хр. Спасителя, д. Перцовой, кв. 10.

№ 83. В. Маринъ. (Испанія).

(9 + 12 = 21).

Матъ въ 3 хода.

№ 84. О. Деймеръ. (Германія).

Бѣлые: Крd2, Фd1, Сc1, d7, Кa6, Пb5, c2, e3, e5, f2 (10).

Черные: Крa4, Кc5, Пa5, b6, b7, e6, e4, f3 (8).

Матъ въ 2 хода.

Партія № 42, гамбитъ Фалькбеера.

(Играна въ Лондонѣ въ 1913 г.).

	I. Блекбернъ.	В. Томасъ.			
1.	e2—e4;	e7—e5	13.	Лe1 : e8+;	Лa8 : e8
2.	f2—f4;	d7—d5	14.	Фd1—f1(5);	Сd6—c5+
3.	Кg1—f3(1);	d5 : e4	15.	Крg1—h2;	Фd7—d8!(6)
4.	Кf3 : e5;	Сf8—d6	16.	Сd2—[illegible]1;	Фd8—d6!
5.	d2—d4(2);	e4 : d3	17.	Лa1—d1;	Кf6—g4+!
6.	Сf1 : d3;	Кg8—f6	18.	Крh2—h1;	Фd6—[illegible]6
7.	0—0;	0—0	19.	Кc3—e4;	Лe8 : e4(7)
8.	Кb1—c3;	Кb8—d7	20.	Сd3 : e4;	Фh6 : h3+!
9.	Кe5 : d7(3);	Сc8 : d7	21.	g2 : h3;	Сc6 : e4+
10.	h2—h3(4);	Лf8—e8	22.	Фf1—g2;	Сe4 : g2+
11.	Сc1—d2;	Сd7—c6	23.	Крh1 : g2;	Кg4—e3+
12.	Лf1—e1;	Фd8—d7		Бѣлые сдались.	

Примѣчанія: 1) Сильнѣе 3 e4 : d5.

2) Здѣсь возможно: 5 Сf1—c4; Сd6 : e5. 6. f4 : e5; Фd8—d4. 7. Фd1—e2; Фd4 : e5 8 Кb1—c3; Кg8—f6. 9. d2—d4; Фe5 : d4. 10. Сc1—[illegible]3 съ сильной атакой за 2 пѣшки.

3) Плохо, такъ какъ развиваетъ игру черныхъ; слѣдовало отступить конемъ на c4, напр. 9. Кe5—c4; Кd7—c5. 10. Сd3—e2 съ равной игрой.

4) Лучше было 10 Кc3—e4; послѣ 10 h2—h3 черные очень умѣло препятствуютъ развитію бѣлыхъ фигуръ.

5) Чтобы ввести въ игру Лa1.

6) Угрожая 16 Кf6—g4+.

7) Черные могли выиграть и ходомъ 19 Сc6 : e4, но избранный ими способъ изящнѣй и рѣшительнѣй.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ.

№ 79. 1. Сe4—d5; Кf6. 2. Крf6 : 1..; К.8. 2. Лg5.

№ 80. 1. Кd3—c5.

Правильныя рѣшенія прислали — 79, 80: Н. Бѣльскій, С. Вайнштейнъ, Т. Вайнпиток , А. Вейгертъ, С. Гиршфельдъ, В. Г., С. Зеленецкій, Н. Латышевъ, М. Левитанъ (и 77, 78), М. Маловъ, В. Новожиловъ, М. Нейманъ, Н. Поляшукъ, П. Пратка, И. Сударевъ, А. Тюменев , В. Тимохинъ, Б. Толчинскій, чит. Тоб. дух. сем., Г. Чуриловъ, К. Яблоновскій, — 79: Е. Перминова, А. Тихоміровъ, — 80: бр. Ларіоновы, М. Левъ, № 37792 (и 77).

ЛЕГЕНДА О ТЕЛЛѢ.

(Корреспонденція изъ Швейцаріи).

Прошлое народовъ знаетъ много великихъ дѣяній и много славныхъ героевъ. Но взыскующей душѣ человѣческой хотѣлось всегда больше того, что давала историческая дѣйствительность. И на помощь исторіи приходила легенда. Она украшала своимъ вымысломъ память о былыхъ герояхъ, возвеличивала извѣстныя ихъ дѣянія и приписывала имъ новые подвиги. А на ряду съ тѣмъ она создавала по образу и подобію избранниковъ исторической судьбы цѣлую вереницу своихъ собственныхъ героевъ.

Много такихъ дѣтищъ легенды живетъ нынѣ въ памяти человѣчества. И легенда сумѣла подчасъ придать имъ такой жизненный характеръ, такъ кровно связать ихъ съ дѣйствительными событіями, что они слывутъ за подлинныхъ героевъ, нѣкогда подвизавшихся на землѣ во славу себѣ и на благо другимъ.

Такимъ именно чистѣйшимъ созданіемъ легенды, претвореннымъ людскимъ легковѣріемъ въ доподлиннаго подвижника, является національный герой Швейцаріи стрѣлокъ Вильгельмъ Телль.

Вся Швейцарія гордится имъ и чтитъ его память. Больше же всего, какъ и подобаетъ, бережетъ славу Телля его мнимая родина,— горный кантонъ Ури на Фирвальдштетскомъ озерѣ. Здѣсь показываютъ мѣсто, гдѣ стояла нѣкогда хижина этого смѣлаго стрѣлка и избавителя народа отъ жестокаго ландфогта Гесслера. Показываютъ также утесъ, который Телль сумѣлъ достичь однимъ прыжкомъ изъ лодки; потайной уголокъ, гдѣ онъ дожидался Гесслера, приготовивъ для чего стрѣлу въ своемъ арбалетѣ. Словомъ, каждый шагъ Телля отмѣченъ здѣсь и возвеличенъ то надписью, то часовенкой, то величественнымъ памятникомъ. Все кругомъ живетъ какъ будто воспоминаніями объ этомъ героѣ— и путникъ легко начинаетъ вѣрить въ историчность Телля.

Но — увы! — какъ ни привлекателенъ его образъ, исторіи приходится отказаться отъ него и уступить всецѣло легендѣ. Уже давно высказывались сомнѣнія относительно достовѣрности исторіи Телля и еще въ 1760 году начальство кантона Ури предало торжественному сожженію книгу нѣкоего бернскаго пастора, доказывавшаго, что исторія Телля не больше какъ басня. Въ новѣйшее же время кропотливыя изслѣдованія ученыхъ лишь подтвердили это предположеніе. Въ старинныхъ церковныхъ запискахъ того прихода, гдѣ согласно сказанію жилъ Телль, не встрѣчается даже такого имени. Но сидѣлъ также въ Швейцаріи ландфогтъ по имени Гесслеръ. И что любопытнѣе всего, исторія Телля разсказывается впервые въ хроникѣ, написанной 170 лѣтъ спустя послѣ изображаемыхъ въ сказаніи событій; до этого нигдѣ не встрѣчается упоминаніе о подвигахъ Телля, хотя старинные лѣтописцы были словоохотливыми разсказчиками и не пропустили бы, конечно, такой благодарной темы въ своемъ повѣствованіи.

Но если нельзя было найти историческихъ свидѣтельствъ, которыя бы подтверждали подлинность преданій о Теллѣ, то тѣмъ богаче оказался подборъ легендъ, разрабатывающихъ мотивы, легшіе въ основу сказанія о Теллѣ.

Читатель, знакомый съ этимъ сказаніемъ хотя бы по безсмертной драмѣ Шиллера, знаетъ, что самымъ захватывающимъ эпизодомъ въ немъ является сцена со стрѣльбой въ яблоко, лежащее на головѣ мальчика Телля. Но этотъ эпизодъ не напрасно кажется намъ не только безчеловѣчнымъ, но и невѣроятнымъ: онъ дѣйствительно является излюбленнымъ легендарнымъ вымысломъ и встрѣчается во многихъ старинныхъ сагахъ Сѣвера. Такъ, въ одной исландской сагѣ разсказывается слѣдующее:

....„Однажды король захотѣлъ испытать, такъ ли въ дѣйствительности мѣтко стрѣляетъ Эйгиль, какъ люди говорятъ. Онъ велѣлъ привести трехлѣтняго сына Эйгиля, положилъ ему яблоко на голову и приказалъ Эйгилю стрѣлять по немъ, но спустить не больше одной стрѣлы. Эйгиль, однако, взялъ три стрѣлы; и, приладивъ первую, выстрѣлилъ и снялъ яблоко. Король спросилъ тогда, зачѣмъ онъ приготовилъ лишнія стрѣлы. И онъ отвѣтствовалъ: „Господинъ, я не скажу тебѣ неправды. Если бы первая попала въ мальчика, то двѣ другія я послалъ бы тебѣ!“

Извѣстно, что всю эту сцену и эти же рѣчи повторяетъ и сказаніе о Теллѣ. Но еще больше сходства, чѣмъ съ Эйгилемъ, имѣетъ швейцарскій герой со „стрѣлкомъ Токо“, о которомъ старинная датская сага, записанная еще въ XII вѣкѣ, разсказываетъ такъ:

„Токо служилъ стрѣлкомъ въ войскѣ короля Гаральда Синяго Зуба. Однажды во время пирушки онъ расхвастался, что сниметъ стрѣлой яблоко, насаженное на жердь. Король, жестокій и завистливый, узнавъ объ этой похвальбѣ, повелѣлъ стрѣлку подъ страхомъ казни выстрѣлить въ яблоко, положенное на голову его маленькаго сына. Токо счастливо попалъ въ цѣль, а когда Гаральдъ спросилъ его, для чего же онъ приберегъ еще двѣ стрѣлы, стрѣлокъ безстрашно отвѣтилъ: „Это было бы тебѣ за твою жестокость въ случаѣ, если бы я сразилъ своего неповиннаго ребенка“.

Король ничего не сказалъ, но запомнилъ эти слова Токо и рѣшилъ погубить его. И когда они странствовали однажды въ горахъ на лыжахъ, онъ заставилъ Токо съѣхать по крутому утесу къ морскому берегу. Когда спутники его спустились внизъ, они нашли тамъ лишь разбитыя лыжи и рѣшили, что Токо погибъ. Но онъ въ дѣйствительности былъ подхваченъ морской волной и спасенъ рыбачьимъ судномъ.

Гаральдъ же съ каждымъ годомъ становился все болѣе жестокимъ, такъ что подданнымъ его совсѣмъ житья не стало. Онъ забавлялся, напримѣръ, тѣмъ, что впрягалъ человѣка въ одно ярмо со скотиной и заставлялъ влачить плугъ. Подданные, наконецъ, возмутились и къ общему заговору примкнулъ и Токо, тайно скрывавшійся на родинѣ. Однажды онъ подстерегъ Гаральда и пустилъ въ него смертоносную стрѣлу.

Таковъ былъ этотъ Токо, — точный прообразъ Вильгельма Телля. Родство швейцарскаго и датскаго стрѣлка такъ близко, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ легендарномъ характерѣ всей исторіи Телля. Она занесена была въ Швейцарію откуда-то съ богатаго сагами Сѣвера, а позже была прилажена къ событіямъ славной борьбы горныхъ кантоновъ за свою свободу и независимость.

Впрочемъ, швейцарцы въ массѣ своей и теперь непоколебимо убѣждены въ историчности Вильгельма Телля. Въ этомъ нѣтъ, однако, и бѣды. Ибо сказаніи о Теллѣ — не „сонъ золотой“, а одна изъ тѣхъ порожденныхъ кипучей жизнью и борьбой легендъ, которыя зовутъ къ великимъ дѣламъ и высокимъ цѣлямъ.

Я. Б—инъ.

ESPERANTA FAKO.

Al legantoj-esperantistoj.

La Redakcio de l' ĵurnalo «Tra la mondo» Sin turnas kun afabla peto al siaj abonantoj-esperantistoj, kiuj legas, parolas kaj korespondas esperante, ke ili komuniku siajn adresojn.

La Redakcio deziras tiamaniere informiĝi pri la nombro de l' esperantistoj inter la abonantoj de l' ĵurnalo por havi eblon decidi ĉu oni devas pligrandiĝi la «Esperanta-fako» kaj ĝis kia grado.

Krom tio la Redakcio de «Tra la mondo» intencas unuigi siajn legantajn - esperantistojn, por ke ili havu la eblon korespondi unu kun la alia interŝanĝi la poŝtkartojn, markojn k. t. p.

La respondojn esperante skrebitajn bonvolu sendi lau la adreso: Москва, Страстная площадь, Путинковскій пер., д. № 5, г. Редактору журнала „Вокругъ Свѣта“ Вл. А. Попову.

Успѣхи Эсперанто.

Извѣстная торговая фирма Нейманнъ въ Дрезденѣ, издавшая каталогъ на языкѣ Эсперанто, сообщаетъ, что за три мѣсяца ею получено свыше 100 заказовъ на международномъ языкѣ изъ Австріи, Франціи, Италіи, Англіи, Даніи, Норвегіи, Россіи, Америки и даже изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Азіи и Африки. Одинъ заказъ былъ сдѣлать по телеграммѣ на языкѣ Эсперанто. Кромѣ того, за то же время поступило болѣе 200 просьбъ о высылкѣ каталога. Фирма имѣетъ среди служащихъ 8 человѣкъ, говорящихъ на эсперантскомъ языкѣ.

XXIX г. изданія. 16 іюня 1913 г.

№ 23 **ВОКРУГЪ СВѢТА** № 23

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

путешествій, науки, литературы и искусства.

Контора и редакція журнала: Москва, Тверская, д. Т-ва И. Д. Сытина, № 48. Тлф. 98-57.

Гг. авторы, присылающіе свои рукописи въ редакцію, благоволятъ обязательно прилагать почтовыя марки для отвѣта. Рукописи менѣе печатнаго листа авторамъ не возвращаются; стихотворенія не принимаются и ни въ какую переписку по ихъ поводу ред. не входитъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала, а также въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. За перемѣну адреса уплачивается **три** 7-ми-коп. почтовыя марки. Цѣна отдѣльнаго № журнала **10** коп., съ книгой — **40** коп. (съ пересылкой).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ: съ 24 кн. собранія художественн. соч. **Л. Н. Толстого**, съ пересылкой и доставкой **7 р.** **Допускается разсрочка:** 3 р. при подп., 2 р. къ 1 апр. и 2 р. къ 1 іюля. — съ 48 книг. полнаго собранія сочиненій **Л. Н. Толстого**, съ пересылкой и доставкой **11 р.** **Допуск. разсрочка:** при подпискѣ 4 р., къ 1 апр. 4 р. и къ 1 іюля 3 р.

Замѣна перваго изд. вторымъ и наоборотъ послѣ подп. не допускается.

МОНАСТЫРСКІЙ ГОРОДОКЪ НА ГОРѢ СИНАѢ.

Въ глубокомъ горномъ ущельѣ у подножія Джебель-Муса, или горы Моисея, и Джебель-Катеринъ (горы Екатерины) лежитъ на высотѣ 1.500 метровъ надъ уровнемъ моря старинный монастырь, обитаемый греческими монахами,—монастырь св. Екатерины.

Гора св. Екатерины—самый высокій изъ пиковъ скалистой Синайской группы (2.602 метр.) въ южной части Синайскаго полуострова, образуемаго заливами Краснаго моря Суэцкимъ и Акада. Главныя вершины ея—Джебель-Катеринъ, Джебель-Муса и Джебель-Сербалъ. Библейской горой Хоривъ нѣкоторые считаютъ Джебель-Мусу, а другіе—Сербалу.

Монастырь, основанный, по преданію, византійскимъ императоромъ Юстиніаномъ, имѣетъ видъ крѣпости. Въ высокой стѣнѣ, окружающей его, нѣтъ ни воротъ, ни калитки. Постороннихъ посѣтителей поднимаютъ въ монастырь въ корзинѣ черезъ стѣну. Бедуины, живущіе въ окрестностяхъ, за ограду не допускаются изъ боязни ихъ хищническихъ наклонностей.

Монахи для сношенія съ внѣшнимъ міромъ пользуются подземнымъ ходомъ, выходящимъ наружу у подножія горы.

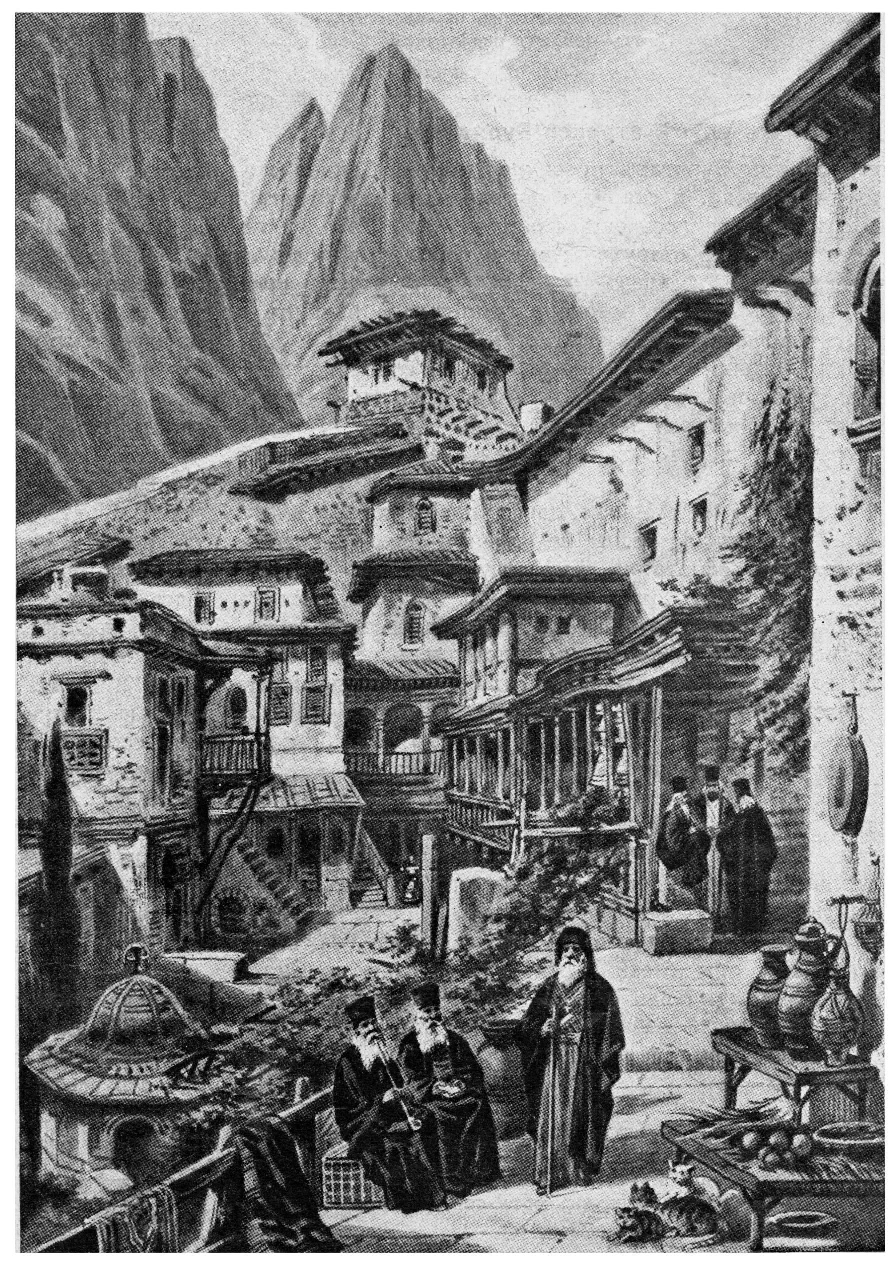
Число монастырскихъ обитателей не превышаетъ 20—30 человѣкъ, преимущественно грековъ. По уставу имъ запрещается употребленіе какъ вина, такъ и мяса. Монахи большую частью старики. Они ведутъ здѣсь однообразную жизнь въ обществѣ кошекъ, своихъ любимицъ.

Впрочемъ, у нихъ довольно часто бываютъ посѣтители — богомольцы, отправляющіеся къ небольшой церкви, находящейся въ получасѣ ходьбы отъ монастыря на вершинѣ Джебель-Муса, гдѣ, по преданію, стоялъ Моисей, получая Заповѣди Іеговы.

Передъ нами уголокъ монастырской улицы. На тѣсномъ пространствѣ за оградой ютятся дома съ кельями для монаховъ — деревянные, каменные изъ мѣстнаго известняка. Кое-гдѣ бросаются въ глаза: старинная дверь коптскаго происхожденія изъ кедроваго дерева съ инкрустаціей изъ слоновой кости; старинное окно сарацинской архитектуры, какая-нибудь арка, античный, тонко изваянный кусокъ мрамора.

Но еще другія богатства хранятся за высокой монастырской оградой: крошечныя библіотечныя кельи монастыря—онѣ не больше пароходныхъ каютъ—биткомъ-набиты сирійскими рукописями, византійскими пергаментами, старинными книгами, которымъ нѣтъ цѣны. Между ними есть писанныя отъ руки самимъ святымъ Василіемъ, Евангеліе, написанное императоромъ Ѳеодосіемъ.

Монахи однако мало интересуются этими умственными сокровищами своего обиталища: они проводятъ время, свободное отъ церковныхъ службъ, на улицѣ, покуривая трубки, бесѣдуя объ интересахъ повседневной жизни.

Видъ улички въ монастырскомъ городкѣ.

пролилъ ни капельки. Чаепитіе чередовалось съ выпивкой; всѣмъ стало весело и тепло.

Потъ лился градомъ. Поднесъ русъ чашку съ виномъ и хозяйкѣ; та выпила не поморщившись; но Шинтая не приняла и, зарумянившись, выбѣжала изъ юрты.

Потомъ хозяйка принесла большой котелъ съ дымящейся урумэ [1]), потомъ—тарикъ [2]), и много другихъ лакомствъ. Пиръ шелъ горой. Но когда бутылка была роспита, гость снова полѣзъ за пазуху, вынулъ оттуда другую и распечаталъ. Вскорѣ потекли разговоры, развязались языки, одинъ другого старался перекричать. Семья жадно вслушивалась въ эти крики. Хозяйка подносила все новыя закуски, принесла кусокъ мяса и аруль [3]). Вдругъ она вспомнила, что эти русы любятъ ѣсть изъ тарелокъ. Пріѣзжалъ одинъ важный чиновникъ, непремѣнно потребовалъ себѣ отдѣльную тарелку, а у этого руса—вонъ какая борода! а за пазухой—вотъ сколько арсы! Быстро достала она съ полки тарелку. На ней было нѣсколько слоевъ сала и столько же грязи. Она поплевала на тарелку и начала вытирать ее своимъ не менѣе грязнымъ платьемъ.

— Тэрпэтъ нэ могу эта нэчистота, — промолвила она и положила передъ гостемъ чистую, по ея мнѣнію, тарелку.

— Бери орѣхъ, сколько надо бери! — кричалъ охмелѣвшій Буряданъ.—Много орѣхъ у бурятъ, сугланъ позволялъ, я ему сказалъ.

— А я тебѣ гостинцевъ принесу,—говорилъ гость.

Спускались уже сумерки надъ степью, когда гость вышелъ изъ юрты, и невѣрной походкой направился къ Селенгѣ. А Буряданъ, гдѣ сидѣлъ, тамъ и завалился спать. Старуха бросилась къ бутылкѣ; тамъ, на днѣ, оставалось еще нѣсколько глотковъ. Она приложила бутылку ко рту и однимъ тягомъ выпила остатокъ. Вся семья была возбуждена, всѣмъ понравился этотъ бородатый русъ, всѣ говорили наперебой. Наконецъ въ юртѣ все стихло. Весь улусъ погрузился въ глубокій, мертвый сонъ.

Незнакомецъ подошелъ, остановился и сказалъ: «Здравствуй, Буряданъ!»

На утро Буряданъ проснулся съ тяжелой головой. Вышелъ на воздухъ, тяжелыми глазами осмотрѣлъ степь и, усѣвшись у костра, закурилъ свою ганзу. Вспомнивъ вчерашнюю пирушку, Буряданъ рѣшилъ пойти къ Селенгѣ, посмотрѣть, что они тамъ дѣлаютъ, эти страшилища. На берегу Селенги, гдѣ она дѣлаетъ красивый загибъ, росъ большой кедровый лѣсъ. Тамъ Буряданъ увидѣлъ людей. Они уже работали. Одни изъ нихъ лазили по деревьямъ, какъ кошки, срывали крупныя шишки и бросали ихъ на землю, другіе подбирали и сносили въ кучи, а третьи уже вымолачивали зерна.

„Ну, и ловкіе же, эти русы“, подумалъ Буряданъ, любуясь ихъ работой.

Подошелъ бородатый хозяинъ.

— Что, Буряданушко? Какъ здоровье?

— Калава бална, — отвѣтилъ бурятъ и тяжело покачалъ головой.

— Ничего, я тебя сейчасъ вылѣчу,—сказалъ бородачъ, улыбаясь, и пошелъ къ плотамъ.

Онъ принесъ оттуда недопитую бутылку водки и протянулъ ее старику.

[1]) *Урумэ*—кипяченыя, молочныя пѣнки.
[2]) *Тарикъ*—простокваша.
[3]) *Аруль*—сыръ.

— Пей все, выздоровѣешь, — сказалъ онъ. — Карошъ будетъ твой калава.

Буряданъ однимъ духомъ выпилъ все и аппетитно крякнулъ.

— Карошъ русъ-арса, очень карошъ. Нашъ арса — не карошъ.

Посмотрѣлъ еще разъ Буряданъ на работу и ушелъ въ свою юрту. Тамъ онъ снова усѣлся на свое излюбленное мѣсто, близъ костра, и предался своему любимому занятію: началъ думать и мечтать. Въ головѣ послѣ выпитой водки стало ясно, какъ въ широкой степи. Видитъ онъ, что и солнце ходитъ низко, и степь отливаетъ какимъ-то холодноватымъ цвѣтомъ, и половина улуса уже построила себѣ утуги; а у него, перваго богача, тайши, ничего еще не приготовлено на зиму для скотины. Ай, ай! Скоро подойдетъ осенній праздникъ, большой праздникъ — тайлаганъ, всѣ люди будутъ заняты; не найдешь работниковъ...

За оградой послышались звонкіе шаги. Старикъ увидѣлъ Пехусая.

Но отчего онъ не кричитъ тамъ свое обычное „эхоръ“, а идетъ прямо къ нему. Что ему надо?

Пехусай приблизился къ костру, поздоровался, усѣлся близъ огня и закурилъ свою ганзу. Закурилъ и старикъ. Въ предвидѣніи разговора всякаго честнаго человѣка тянетъ покурить. Нѣсколько минутъ длилось молчанье, только слышно было усиленно - громкое посасываніе изъ трубокъ. Наконецъ Пехусай заговорилъ. По правилу ему, какъ пришедшему, полагалось начать.

— Я пришелъ къ тебѣ по дѣлу, — сказалъ онъ.

— По какому?

Опять наступило продолжительное молчаніе.

— Отдай мнѣ твою Шинтаю замужъ, — сказалъ Пехусай.

— Ты съ ума сошелъ!

— Нѣтъ. Я люблю ее, она меня любитъ. Отдай.

У старика вырвалось бранное слово. Глаза засверкали гнѣвомъ, онъ весь побагровѣлъ.

— Отдать тебѣ Шинтаю! Да есть ли у тебя юрта?

— Нѣтъ!

— Есть у тебя лошади, скотъ?

— Нѣтъ.

— Есть у тебя калымъ? [1]).

— Нѣтъ.

— У тебя ничего нѣтъ. Ты — нищій.

— У меня есть голова, руки, здоровыя ноги. Буду работать на тебя...

— Пусть всѣ злые духи возьмутъ себѣ твою голову, руки, ноги!.. Отчего же ты не прислалъ, какъ велитъ нашъ святой обычай, сватовъ?

— А зачѣмъ? Всѣ меня знаютъ и безъ того.

Опять выругался Буряданъ.

— Подумай ты, коровья твоя голова, медвѣжьи лапы, лошадиныя ноги, — чего захотѣлъ. Вѣдь я — тайша, я — родоначальникъ всему улусу! Что скажетъ сугланъ? Что будутъ говорить на тайлаганѣ? „Скажутъ: тайша выжилъ изъ ума, нарушилъ наши святые обычаи, отдалъ свою дочь нищему. Да мнѣ прохода не дадутъ“. Нѣтъ, не отдамъ я тебѣ Шинтаи!

Въ отвѣтъ на послѣднія слова старика изъ-за угла юрты раздался ужаснѣйшій крикъ, который, казалось,

[1]) *Калымъ*—выкупъ.

всполошилъ всю степь и встревожилъ мирно пасшихся лошадей.

Старикъ вскочилъ и побѣжалъ за уголъ. Тамъ онъ увидѣлъ Шинтаю.

Она слышала отсюда весь разговоръ.

Стояла она, прислонясь къ юртѣ, и ревѣла на всю степь. Старикъ сначала опѣшилъ, потомъ напустился на дочь.

— Тебѣ что! Чего орешь! — кричалъ онъ.

Въ отвѣтъ дѣвушка пуще заревѣла. Крупныя слезы текли по ея лицу, вся она вздрагивала.

— Да замолчишь ли ты, корова ревучая, коза безбородая!

Ничего не помогало.

Старикъ съ яростью отплюнулся и почти бѣжкомъ направился къ костру, преслѣдуемый немолчными воплями дочери.

Но у костра попрежнему сидѣлъ невозмутимый, какъ статуя, Пехусай.

Старикъ круто повернулся и побѣжалъ въ юрту. Здѣсь онъ искалъ спасенья.

Но онъ грубо ошибся.

Стоявшая у двери старуха, слыхавшая весь разговоръ, крѣпко схватила его за полу дышля и набросилась на него съ рѣзкой бранью.

— Что ты надѣлалъ, старый дуракъ! Отчего не отдалъ Шинтаи?

— Не твое дѣло! — крикнулъ Буряданъ.

— Слышишь, дѣвка оретъ, даже стѣнка дрожитъ.

— Отстань, дохлая кляча, тебѣ сказано, — нетерпѣливо выкрикнулъ старикъ и вырвалъ изъ рукъ жены полу своего дышля.

Тогда и старуха принялась ревѣть.

Изъ горла ея полились чисто бабьи, старческія, длинныя, какъ узда, причитанья, такія монотонныя, что и камни не выдержали бы.

— И что я буду дѣла-а-ать! — причитала баба. — Стара я стала-а-а!.. Некому меня замѣни-и-ить! Отъ дыма ослѣпла-а-а! Силъ нѣту-у-у! Думала, что Шинтайка поможе-е-етъ!.. Какъ выйдетъ замужъ!.. Кто построитъ уту-у-угъ!.. Кто запасетъ топлива-а-а! Старый лѣнтяй ничего не хочетъ дѣла-а-ать! Лошадей, скотину хочетъ сгуби-и-ить! Горе мое, горе-е-е! Не износить тебя вовѣки-и-и!..

Старикъ очутился межъ трехъ огней.

Впереди, у костра, сидитъ этотъ Пехусай; слѣва, какъ Селенга весной, заливается старуха, а справа, какъ громъ и молнія, реветъ на всю степь дочь.

Вертится онъ по юртѣ, — мѣста не найдетъ; трубку станетъ разжигать — погаснетъ.

А тутъ старуха еще про этотъ проклятый утугъ напомнила да лѣнью попрекнула. Тутъ честному буряту никакъ не вырваться изъ бѣды.

— Эй, ты! Молчи! — гаркнулъ онъ во всю мочь и ударилъ кулакомъ въ стрѣлку, за которой ревѣла Шинтая. Потомъ, принявъ, наконецъ, точное рѣшеніе, бросился къ двери.

— Припаси калымъ!.. Получишь Шинтаю! — крикнулъ онъ неподвижно-сидѣвшему Пехусаю.

Все сразу смолкло. Только тихія всхлипыванія, какъ отголоски промчавшейся бури, доносились до истерзанныхъ ушей старика.

Понемногу все успокоилось.

А между тѣмъ по степи медленно шагала унылая фигура Пехусая, терялась среди табуновъ, снова появлялась и такъ, пока не исчезла въ полумутной синевѣ дали.

— Коровья твоя голова, откуда ты достанешь калымъ? — шепталъ парень, — и ничего не могъ придумать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ дебряхъ Бразиліи.

ДОРОГА МЕРТВЫХЪ.

Очеркъ В. Онезорге.

На границѣ между Бразиліей и Боливіей, въ бассейнѣ рѣки Амазонки, проходитъ небольшая желѣзная дорога, соединяющая верхнее судоходное теченіе рѣки Мадейры съ ея притокомъ Маморэ. Построена она недавно, но всѣ путешествія къ сѣверному и южному полюсу и въ Африку не поглотили столько человѣческихъ жизней, какъ постройка этой небольшой желѣзной дороги.

Тамъ, въ сердцѣ Южной Америки, уснули вѣчнымъ сномъ тысячи европейцевъ, индѣйцевъ и негровъ, ставшихъ жертвой убійственнаго климата. Тысячами приходили они туда въ надеждѣ на богатый заработокъ и только немногимъ удалось вырваться оттуда живыми.

Громадный бассейнъ рѣки Амазонки даетъ въ изобиліи одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ и важныхъ продуктовъ — каучукъ. Почти половина всего мірового производства каучука вывозится изъ этой области. Около ста пароходовъ регулярно курсируютъ по Амазонкѣ и ея притокамъ, отвозя каучукъ въ г. Пару, лежащій у устья рѣки Амазонки. Но какъ разъ области, наиболѣе богатыя каучукомъ, громадныя провинціи: Матто Гроссо, Аллазонасъ, Акре и большая часть республикъ Боливіи и Колумбіи, не могли быть использованы, такъ какъ доставлять оттуда каучукъ въ Пару было невозможно, благодаря непроходимымъ порогамъ и страшному теченію въ наиболѣе важной части рѣки Мадейры. Безумно смѣлыя попытки одолѣть пороги кончались гибелью пароходовъ со всѣми людьми и товаромъ.

Бразильянское правительство пыталось устранить это препятствіе. Оно посылало нѣсколько экспедицій для изслѣдованія пороговъ, во время которыхъ погибло много людей, и, наконецъ, должно было признать, что единственнымъ средствомъ оставалось проведеніе желѣзной дороги черезъ вѣковые лѣса, пропитанные лихорадкой.

Теперь эта дорога готова, и поѣзда ежедневно объѣзжаютъ дороги. Но она обошлась не только въ три съ половиной раза дороже, чѣмъ предполагалось, но поглотила еще массу человѣческихъ силъ и жизней. Каждый километръ пути обошелся въ 250 тысячъ рублей, несмотря на то, что дорога эта проходитъ по ровной мѣстности безъ тунелей и почти безъ мостовъ. При дорогѣ работало 19.360 рабочихъ. Теперь ихъ осталось лишь 5.000 человѣкъ; часть вернулась на родину больными и разочарованными, нѣкоторые разбрелись по лѣсамъ въ погонѣ за каучукомъ, но большинство похоронено по бокамъ желѣзнодорожнаго полотна. Подъ разъѣденными термитами крестами лежатъ китайцы, негры, американцы и европейцы. Высокая поденная плата, около пяти рублей въ день на всемъ готовомъ, даровой проѣздъ, а можетъ-быть, и просто жажда приключеній привели ихъ къ мѣсту вѣчнаго успокоенія.

Живя въ Европѣ, трудно себѣ представить, какія препятствія пришлось одолѣть всѣмъ этимъ несчастнымъ. Одна вырубка лѣса по пути слѣдованія полотна поглотила сотни жизней и милліоны рублей. Приходилось срубать и сносить въ сторону деревья, имѣвшія отъ 5 до $9^1/_2$ саженей

въ обхватѣ, и такую работу нужно было дѣлать въ подавляюще жаркомъ климатѣ, среди малярійныхъ болотъ, гдѣ нѣтъ ни людскихъ жилищъ, ни продуктовъ, ни освѣжительныхъ напитковъ. Пришлось срывать милліоны кубическихъ метровъ сырой, губчатой земли, пропитанной органическими веществами и ею же засыпать болота. А когда кончался трудовой день, гдѣ могъ отдохнуть рабочій? Въ вѣковомъ лѣсу не было ни домовъ, ни кроватей, ни мебели, ничего, кромѣ тучи комаровъ, которые немилосердно мучили несчастныхъ рабочихъ.

Пришлось воздвигнуть цѣлый новый городъ, который назвали Порто Велхо, и теперь этотъ городокъ служитъ исходнымъ пунктомъ желѣзной дороги. Чтобы удешевить и упростить доставку товаровъ и продуктовъ, общество построило флотъ въ 42 рѣчныхъ парохода разныхъ размѣровъ, избѣгнувъ такимъ образомъ зависимости отъ чужихъ пароходныхъ компаній. Какъ дорого обходились тамъ рабочія руки, можетъ иллюстрировать слѣдующій примѣръ: шпалы изъ Австраліи съ доставкой въ Порто Велхо обходились дешевле, чѣмъ изготовленіе ихъ на мѣстѣ, несмотря на то, что въ непосредственномъ сосѣдствѣ находился неистощимый запасъ лѣса.

Рабочихъ приходилось добывать черезъ посредство дорого стоящихъ агентовъ и вести на мѣсто работъ изъ Европы, Америки и Вестъ-Индіи. Вербовка и доставка каждаго рабочаго обходилась въ 600 руб., такъ что еще до начала работъ пришлось израсходовать около 11 милліоновъ рублей только на доставку рабочихъ.

Уже въ продолженіе первыхъ недѣль рабочіе большею частью заболѣвали малярiей или дезентерiей, кишечными разстройствами, воспаленіемъ легкихъ и бери-бери, т.-е. желтой лихорадкой. Кишечныя заболѣванія охватывали временами до 70 процентовъ иностранныхъ и 90 процентовъ бразильянскихъ рабочихъ. Сколько изъ нихъ умерло, объ этомъ лучше и не говорить! Наиболѣе крѣпкіе рабочіе поправлялись, но черезъ 6 мѣсяцевъ работы ихъ приходилось отправлять назадъ въ лучшія климатическія условія.

Вотъ при такихъ ужасныхъ условіяхъ пришлось начать строить $5^1/_2$ лѣтъ тому назадъ эту желѣзную дорогу. Даже энергичные американцы теряли мужество и думали о провалѣ всего дѣла. Тогда они вспомнили о знаменитомъ врачѣ Освальдѣ Крузѣ, освободившемъ населеніе города Ріо-де-Жанейро изъ лапъ желтой лихорадки. Они пригласили его къ себѣ. Онъ приказалъ систематически уничтожать комаровъ средствами, примѣнявшимися въ Панамѣ и въ Ріо-де-Жанейро, изолировать больныхъ, обзавестись въ госпиталѣ новѣйшими устройствами; во всѣхъ домахъ завели сѣтки для оконъ и дверей, стали сжигать джунгли, и условія жизни стали лучше.

Теперь работы продолжались уже съ болѣе бодрымъ настроеніемъ. Порто Велхо сталъ уютнымъ рабочимъ городкомъ съ тысячью жителей, почтово-телеграфнымъ отдѣленіемъ, торговыми заведеніями и даже съ двухнедѣльной газетой, подъ заглавіемъ которой стояло: „Жизнь безъ литературы и хинина мертва". (La vida sin literatura y quinina esmuerte).

Такъ возникла въ центральной части Южной Америки среди вѣковыхъ лѣсовъ Мадейра-Маморэская желѣзная дорога.

Мы не знаемъ, чему намъ больше удивляться: безумно ли смѣлой рѣшимости строителей, которые, ежеминутно смотря смерти въ глаза, закончили все же постройку этой дороги въ такой короткій срокъ, или же бразильянскому правительству, не остановившемуся ни передъ какими денежными жертвами, чтобы открыть для торговли громадныя площади своихъ центральныхъ провинцій.

На Кубѣ, Явѣ, Малаккѣ и въ другихъ тропическихъ странахъ когда-то пришлось бороться съ такими же трудностями, а теперь эти страны высоко развиты, благодаря неустанному труду и борьбѣ съ природой.

НА ПЛОТАХЪ ПО АМАЗОНКѢ.

Разсказъ В. Дубаса.

При посѣщеніи больницы при „Госпедаріи въ Гю-де-Тампеиро" (Ріо де Жанейро), я случайно встрѣтилъ въ числѣ поправляющихся больныхъ русскаго, Владиміра Яковлева, оказавшимся желѣзнодорожнимъ рабочимъ съ Амазонки. Онъ мнѣ разсказалъ слѣдующую трагическую повѣсть, напоминающую по своей причудливости и невѣроятности романы Майнъ-Рида.

Желѣзнодорожное общество, строящее желѣзную дорогу черезъ лѣса Амазонки къ границамъ Боливіи, черезъ посредство своихъ многочисленныхъ агентовъ успѣло набрать въ Германіи, Австріи, Россіи партію рабочихъ около 600 человѣкъ. Къ этой партіи принадлежалъ и Яковлевъ. Съ рабочими общество заранѣе заключило контрактъ, по которому каждый рабочій долженъ былъ получать поденную плату въ размѣрѣ 15 мильрейсовъ (10 руб.).

Такая плата, конечно, соблазнила многихъ, рѣшившихъ попытать счастья въ дебряхъ Амазонки, не имѣя рѣшительно никакого представленія объ условіяхъ тамошней жизни, о климатѣ и пр. Всю партію посадили на пароходъ въ Гамбургѣ, который и направился къ берегамъ Сѣверной Бразиліи. Послѣ болѣе чѣмъ трехнедѣльнаго плаванія, пароходъ прибылъ въ главный городъ и портъ штата Амазонасъ—въ Манаосъ.

Здѣсь рабочимъ надо было пересѣсть на небольшіе рѣчные пароходы, которые должны были ихъ доставить къ цѣли путешествія. Въ то время, какъ океанскій пароходъ находился въ портѣ, на судно тайкомъ пробрались нѣсколько человѣкъ европейцевъ, оказавшихся желѣзнодорожными рабочими, бѣжавшими изъ лѣсовъ Амазонки. Они въ самыхъ яркихъ краскахъ начали описывать страшную жизнь рабочихъ въ сильвасахъ Амазонки, гдѣ господствуетъ смертоносная желтая лихорадка, уносящая въ самый короткій срокъ огромное большинство человѣческихъ жизней.

Имъ какимъ-то чудомъ удалось живыми уйти изъ пасти смерти. Они совѣтовали прибывшимъ рабочимъ потребовать отъ агентовъ желѣзнодорожной компаніи безплатно обратнаго проѣзда въ Европу, такъ какъ компанія при заключеніи условія умолчала о страшной эпидеміи Амазонки, о невозможности жить тамъ для европейца.

Увѣщанія этихъ людей побудили нѣкоторыхъ изъ вновь прибывшихъ рабочихъ начать усиленную агитацію въ пользу немедленнаго возвращенія въ Европу. Рабочіе раздѣлились на двѣ партіи — болѣе благоразумные были за возвращеніе; большая часть, однако, не довѣряла разсказу и была за то, чтобы попытать все-таки счастья. Дѣло, въ концѣ-концовъ, окончилось тѣмъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ, оставшихся въ Манаосѣ, остальные перешли на рѣчные пароходы.

Около двухъ недѣль продолжалось путешествіе по Амазонкѣ и ея притокамъ. Наконецъ рабочихъ высадили на берегъ. До мѣста постройки желѣзной дороги имъ пришлось итти пѣшкомъ въ теченіе четырехъ дней. На пятый день они прибыли на мѣсто.

Тутъ началась жуткая эпопея, отъ которой холодная дрожь пронизываетъ слушателя. Партія была раздѣлена и распредѣлена по такъ называемымъ „кампамъ", т.-е. огромнымъ шалашамъ, которые рабочіе должны были немедленно сдѣлать сами. Къ каждому „кампу" принадлежалъ извѣстный участокъ, черезъ который должна была пройти желѣзная дорога.

Гнилое, отвратительное мясо съ сухарями и заплѣснѣвшая фасоль служили ежедневной пищей рабочимъ. Желѣзнодорожное общество, вопреки контракту, платило имъ лишь третью часть обѣщаннаго.

Но все это еще ничего.

Не прошло нѣсколькихъ дней, какъ въ нѣкоторыхъ „кампахъ" начала, крадучись, заглядывать желтая лихорадка. Среди непроходимыхъ чащъ прокладывалась дорога.

ВЪ ДЕБРЯХЪ БРАЗИЛІИ.

Передъ нами типичный пейзажъ лѣсныхъ дебрей по рѣкѣ Амазонкѣ и ея притокамъ, куда только недавно стали проникать европейцы. Здѣсь уже расположились лагеремъ пришельцы, вѣроятно, искатели «новаго золота»—каучука, который теперь обогащаетъ не меньше золотыхъ пріисковъ. Недѣля за недѣлей идутъ искатели по непроходимымъ дебрямъ, пока не набредутъ на мѣсто, гдѣ огромные фикусы обѣщаютъ хорошую добычу «резины». А сколько искателей погибаетъ тѣмъ временемъ отъ ядовитыхъ міазмовъ, поднимающихся изъ почвы, звѣрей и змѣй, которыми кишатъ эти на видъ «райскія мѣста»!

Надо было вырубить огромную зеленую стѣну лѣса, оставаясь все время по поясъ въ липкой, отвратительной грязи. Почва подъ амазонскими лѣсами большею частью представляетъ вязкую трясину, достигающую во многихъ мѣстахъ значительной глубины. Несмотря на то, что головы рабочихъ были защищены особаго рода сѣтками, безчисленные сонмы москитовъ, носившихся надъ рабочими, проникали сквозь сѣтку къ лицу. Тропическая жара, съ невѣроятно душными, вредными испареніями, которыми окутаны амазонскіе сильвасы, валили съ ногъ непривычныхъ къ подобнаго рода климату европейцевъ.

Прошли двѣ недѣли. Желтая лихорадка начала уже уносить десятки жертвъ въ могилу. Еще прошли нѣсколько недѣль,—и ужасная эпидемія заглянула во всѣ „кампы". Люди умирали, какъ мухи, въ ужасныхъ мученіяхъ. Въ концѣ-концовъ, ихъ перестали хоронить, выбрасывая трупы на нѣкоторое разстояніе отъ „камповъ".

Страшное зрѣлище представляли эти разбросанные пожелтѣвшіе трупы, распространявшіе зловоніе далеко кругомъ.

Немногочисленная часть оставшихся въ живыхъ рабочихъ, изнуренная жарой и постояннымъ видомъ обезображенныхъ труповъ товарищей,—въ полномъ безсиліи, ожидала прихода „желтой гостьи". Нѣкоторые изъ рабочихъ, болѣе предпріимчивые, обратились къ желѣзнодорожной администраціи, находившейся въ небольшомъ городкѣ, въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ „камповъ" съ требованіемъ—дать возможность имъ выбраться изъ смертоноснаго лѣса. Вмѣсто помощи, администрація пригрозила войсками, въ случаѣ, если рабочіе самовольно покинутъ работу, нарушая контрактъ (о своихъ нарушеніяхъ контракта она благоразумно забывала). Отчаившіеся въ спасеніи рабочіе въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ (въ два мѣсяца отъ большинства партіи остались лишь зловонные трупы въ лѣсахъ), рѣшили бѣжать до ближайшаго притока Амазонки.

Въ нѣсколько дней они добрались до рѣки Маморэ. Здѣсь они соорудили изъ пальмъ плотъ, и рѣшили, во что бы то ни стало, добраться по Маморэ и Мадейрѣ (притокъ Амазонки) до города Монаосъ. Они плыли на плоту въ условіяхъ, оставляющихъ далеко за собой пылкую фантазію Майнъ-Рида, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Мучимые голодомъ и подвергаясь безчисленнымъ опасностямъ (два раза плотъ ихъ разбивался, при чемъ нѣсколько человѣкъ утонуло), они встрѣтили, наконецъ, пароходъ.

Новый ударъ!

Пароходъ плылъ какъ разъ въ противоположную сторону, и капитанъ распорядился лишь выдать проголодавшимся путешественникамъ нѣкоторый запасъ провизіи, пораженный безвыходностью ихъ положенія и едва вѣря ихъ разсказу. По его словамъ, въ теченіе двадцатилѣтняго своего плаванія по Амазонкѣ и ея притокамъ, эта встрѣча съ бѣжавшими рабочими—первая и, вѣроятно, послѣдняя.

Наши путешественники отправились дальше, изрѣдка приставая къ берегу, гдѣ замѣчали хижину, встрѣчая радушное гостепріимство у негровъ и метисовъ.

Наконецъ, послѣ многихъ приключеній, имъ удалось, въ числѣ шести человѣкъ (остальные погибли отъ желтой лихорадки, а три пало жертвой крокодиловъ), достигнуть города Монаосъ.

Яковлевъ, только благодаря случайности, былъ въ числѣ этихъ счастливыхъ шести. Но и его несокрушимый организмъ не выдержалъ столькихъ испытаній. — Не успѣлъ онъ войти въ городъ, какъ упалъ на улицѣ, потерявъ сознаніе. Онъ не избѣжалъ желтой лихорадки.

Какое-то черное семейство подняло безчувственнаго человѣка и пріютило у себя. Въ теченіе мѣсяца лежалъ онъ у негровъ, ухаживавшихъ за нимъ, какъ за роднымъ до тѣхъ поръ, пока онъ нѣсколько поправился.

Передъ отъѣздомъ его снабдили эти добрые, великодушные люди деньгами и Яковлевъ пріѣхалъ въ Ріо-де-Жанейро. Здѣсь приступы лихорадки снова охватили его расшатанный организмъ, и онъ слегъ въ больницѣ „Госпедаріи", едва успѣвъ до нея добраться. Теперь онъ чувствовалъ себя лучше, страстно желая скорѣе уѣхать и увидѣть родину.

Въ лѣсахъ Кареліи.

Разсказъ изъ финской жизни Джона Гедберга.

Было ясное лѣтнее утро, когда мы съ Тимомъ Турпейно стояли на вершинѣ Паловаары и смотрѣли, какъ съ птичьяго полета, на окрестности, широко разстилавшія передъ нами свои измѣнчивые виды: материкъ, острова и открытое море.

У самыхъ нашихъ ногъ лежали пологіе склоны Паловаары, одѣтые ярко зелеными березками и сѣроватыми ольхами, то густыми и пышными, то жидкими и корявыми. За ними начиналось ровное лѣсное пространство въ полмили шириною, прерываемое кое-гдѣ дворами, пашнями и клочками луговъ, оживлявшими однообразные темные тона лѣса.

За этой полосой направо раскинулась большая деревня Льекса съ обширными пашнями и богатыми дворами, перерѣзанная широкой рѣкой, черезъ которую былъ перекинутъ новый мостъ; налѣво, на мысу стояла новая церковь Пьелисьерва.

Дальше виднѣлось безчисленное множество мысовъ, глубоко врѣзывающихся заливовъ, холмовъ, острововъ, проливовъ и, наконецъ, широкія воды Пьелисьервиса, блестящія на солнцѣ, да три вершины Коливаары вдали.

Воздухъ на вершинѣ былъ теплый и спокойный. Іюльское солнце горѣло жарко, хотя не было десяти часовъ.

Вся окрестность была окутана легкимъ красно-бурымъ флеромъ дыма отъ подсѣкъ, смягчавшимъ яркіе цвѣта и придававшимъ теплые тона далекой перспективѣ, въ глубинѣ которой широкія воды Пьелисьервиса блестѣли какъ расплавленное серебро.

Кругомъ, по всему горизонту прямо къ небу поднимались съ новозажженныхъ подсѣкъ тяжелые клубы дыма, переливающагося красными и пепельно-сѣрыми оттѣнками. Съ того мѣста, гдѣ мы стояли, можно было насчитать до тридцати такихъ облачковъ, которыя за день должны были сильно сгустить вуаль и усилить уже чувствительный запахъ гари, свойственный Кареліи въ это время года.

Тимо Турпейненъ сторожемъ былъ въ казенномъ лѣсу и на этотъ разъ моимъ проводникомъ.

Мы вышли съ нимъ изъ сторожки рано утромъ и только къ половинѣ десятаго добрались до Паловаары, составлявшую приблизительно четверть нашего пути. Послѣдняя часть крутого подъема потребовала много времени и усилій, и мы рѣшили передохнуть.

Намъ предстояло трудное, утомительное путешествіе. Тимо широкой дугой указывалъ его направленіе черезъ сосѣднія вершины вдаль, гдѣ синѣлъ большой сосновый боръ.

Къ вечеру нужно было вернуться въ деревню, а мы условились еще разъ отдыхать въ самую жаркую пору дня. Поэтому, посидѣвъ съ полчаса на поросшихъ мхомъ камняхъ, мы поднялись и отправились въ путь, въ глу-

бину большого лѣса, начинавшагося на восточныхъ склонахъ Паловаары.

Тимо, какъ проводникъ, шелъ впереди, неся въ небольшомъ ранцѣ нашъ обѣдъ. Я слѣдовалъ за нимъ на небольшомъ разстояніи. Мы шли и разговаривали.

Тимо былъ человѣкъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Онъ былъ высокъ и строенъ, непринужденныя движенія его не были лишены красоты. Онъ легко и безшумно прыгалъ въ своихъ мягкихъ башмакахъ съ камня на камень или черезъ лужи.

Но стоялъ онъ или шелъ—трубка рѣдко выходила изъ его рта, нисколько не мѣшая ему говорить не умолкая. Говорилъ Тимо медленнымъ и важнымъ тономъ по большей части въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, и при малѣйшемъ вашемъ возраженіи онъ готовъ былъ тотчасъ же отступиться отъ того, что утверждалъ. Онъ, повидимому, считалъ своей обязанностью поддерживать разговоръ и поэтому придавалъ больше значенія его непрерывности, чѣмъ его содержанію.

Родившись и выросши въ этихъ мѣстахъ, онъ рѣдко выходилъ за предѣлы своего прихода, если не считать двухъ поѣздокъ въ Іоенсуу, гдѣ онъ видѣлъ много такого, чего не знаютъ въ деревнѣ. Весь остальной міръ за этими узкими предѣлами былъ совершенно незнакомъ ему.

Спускъ съ восточнаго склона Паловаары былъ не труденъ. Тропинка шла отлого, и лѣсъ давалъ кое-какую тѣнь. Вся растительность кругомъ стояла въ пышномъ лѣтнемъ нарядѣ.

Молодые свѣтлые побѣги оканчивали каждую вѣтку елей. Сосны были покрыты блестящими шишками, обѣщавшими хорошій урожай; верескъ и брусника одѣвались свѣжей зеленью. На линнеяхъ распускались блѣдно-розовые цвѣточки, барвенки испускали сильный сладковатый запахъ. Черника уже поспѣвала, а во мху, гдѣ отцвѣтала пышная душистая пахучка, краснѣла полузрѣлая морошка.

Курная тупа (изба) въ лѣсахъ Кареліи.

Изъ черничной заросли испуганно взлетѣла тетерька, а ея коричневые птенцы разбѣжались по всѣмъ направленіямъ и попрятались кто куда могъ.

Тропинка вела насъ прихотливыми извивами среди деревьевъ, мимо ручейка съ темной водой и покрытыми зеленой слизью камнями; поднималась по его берегамъ черезъ густой кустарникъ, мимо крутыхъ обрывовъ, съ которыхъ сыпался песокъ, къ бору на вершинѣ, гдѣ она пробиралась между грудами камней и снова спускалась по крутому склону внизъ.

Солнце поднималось все выше и выше. Его отвѣсные лучи сильно согрѣвали лѣсной воздухъ; не было ни малѣйшаго вѣтерка; изъ трещинъ сосновой коры обильно текла смола.

Мы шли не останавливаясь.

И вдругъ въ перспективѣ между стволами сосенъ блеснула вода. Мы выходили на открытый склонъ, у подножья котораго блестѣло небольшое лѣсное озеро. И къ великому изумленію моему, я увидѣлъ на берегу его какіе-то остатки жилья.

На лужайкѣ подъ развѣсистой березой стояла разрушенная курная избенка. Это было отличное мѣсто для отдыха, и когда я предложилъ Тимо расположиться подъ березой и пообѣдать, онъ встрѣтилъ мое предложеніе съ радостью.

Отдохнувъ немного, я раздѣлся и вошелъ въ прозрачную, сильно нагрѣтую воду озера, которая немного освѣжила мое разгоряченное тѣло.

Послѣ купанья, въ которомъ Тимо не принялъ участія,— это вѣдь была не баня — мы усѣлись подъ тѣнью березы на низкой густой травѣ и принялись за свою скромную дорожную трапезу. Я со вниманіемъ осматривался кругомъ.

Мѣсто, на которомъ мы отдыхали, носило на себѣ какой-то особенный романическій отпечатокъ.

Озеро было почти въ версту длиною; его темная поверхность была совершенно неподвижна. Въ небольшомъ заливчикѣ росъ густой камышъ, а за нимъ на большое пространство вода была покрыта листьями кувшинки, среди которыхъ лежали ея свѣжіе раскрытые цвѣты, глядѣвшіе прямо на солнце своими желтыми сердцевинами.

На противоположномъ берегу плавала одинокая гагара. Изгибая по-змѣиному свою длинную шею, она то и дѣло ныряла въ воду и долго оставалась невидимой, потомъ снова показывалась на поверхности, проплывала небольшое разстояніе и испускала свой пронзительный крикъ.

Сосновый боръ тѣснымъ кольцомъ окружалъ озеро, и издали казалось, что онъ тянется не прерываясь. Крутые берега поднимались на шестьдесятъ — семьдесятъ футовъ въ вышину и вполнѣ замыкали ландшафтъ. Только тамъ, гдѣ сидѣли мы съ Тимо, находилось небольшое пространство ровной земли саженей 200—300 въ длину.

Это пространство было, повидимому, когда-то выжжено и огорожено какимъ-нибудь смѣлымъ новоселомъ, построившимъ свою здѣсь курную избушку. Но теперь на немъ царило запустѣніе.

Заборъ развалился и лежалъ полусгнившій на землѣ. Между черными пнями росла пышная мягкая трава, множество лютиковъ и кошачьихъ лапокъ. Изба, построенная изъ круглыхъ, необтесанныхъ бревенъ, была въ плачевномъ видѣ. Двери уже не было, а половина крыши провалилась. На уцѣлѣвшей ея половинѣ росли три молоденькія сосенки. Немного подальше, въ сторонѣ, лежала куча бревенъ, вѣроятно, развалины бани или скотнаго двора.

На этомъ одинокомъ берегу, гдѣ такъ неуютно должно было быть въ осеннія сумерки или зимнюю вьюгу, какой-нибудь новоселъ испыталъ свое счастье, но потерпѣлъ неудачу и ушелъ, Богъ знаетъ куда.

Какъ и многія-многія мѣста на финской окраинѣ, лужайка могла бы разсказать свою печальную повѣсть о борьбѣ человѣка, сломленной силѣ, лишеніяхъ и нуждѣ.

Я обратился за свѣдѣніями къ словоохотливому Тимо, который выразилъ полную готовность разсказать то, что „люди говорили объ этомъ“.

Зимой голоднаго 1867 года между пришельцами съ окраинъ нашей общины былъ одинъ бѣднякъ съ женой и двумя дѣтьми. Они были родомъ изъ Соткамо и, соб-

ственно говоря, принадлежали совсѣмъ не къ нашему приходу.

Они были такъ истощены и такъ плохо одѣты, что мы недоумѣвали, какъ они не умерли съ голоду и не замерзли дорогой. Холодъ былъ такъ силенъ, что ни у кого не хватило духу гнать ихъ дальше. Имъ разрѣшили остаться. Ленсманъ *) помѣстилъ ихъ въ своей людской избѣ, гдѣ жило уже трое или четверо такихъ же бродягъ. Пищу они получали отъ него же.

Оправившись немного отъ голодовки и длиннаго путешествія, они охотно принялись за работу и дѣлали все, что имъ поручали, охотно и быстро. Это не были лѣнтяи, какъ большинство изъ тѣхъ, кто бродилъ тогда по нашимъ мѣстамъ. Мужъ былъ недурнымъ плотникомъ и помогалъ при постройкѣ скотнаго двора, которую ленсманъ затѣялъ тогда, чтобы дать работу нуждающимся. Жена помогала своей хозяйкѣ въ чемъ могла.

Она была молода и проворна и легко привыкла къ своимъ новымъ обязанностямъ.

Зима проходила, а соткамцы попрежнему оставались у ленсмана. Они совершенно не были въ тягость своему хозяину, особенно послѣ того, какъ оправились окончательно.

Когда настала весна, имъ все-таки пришлось уйти. Въ приходѣ было достаточно своихъ бѣдняковъ, требовавшихъ поддержки. Ленсманъ хотѣлъ отослать ихъ поэтому и дать имъ рекомендацію къ начальству ихъ общинъ, но они отказались.

Они предпочли итти своей дорогой и однимъ весеннимъ вечеромъ, собравъ свои пожитки и простившись съ добрымъ хозяиномъ, отправились въ путь, никто не зналъ, куда.

И вотъ, однажды лѣтомъ прихожу я сюда къ озеру и вижу, что кто-то устраиваетъ подсѣку. Я полюбопытствовалъ узнать, кто это, и пошелъ дальше. На краю лужайки подъ большой сосной была вырыта землянка, и въ ней сидѣла вся семья соткамцевъ, которую мы давно считали ушедшей къ себѣ на родину.

Безъ разрѣшенія, даже безъ вѣдома владѣльца они поселились на его землѣ и вырубили цѣлый участокъ лѣса.

Мужъ все лѣто работалъ на сосѣднемъ заводѣ, а жена вырубала и сжигала лѣсъ. Да, да! Удивляйтесь, если хотите, но все это пространство вырублено и расчищено одной женщиной. Это очень трудно, но я самъ видѣлъ слѣды ея топора на пняхъ. Женщины вѣдь не такъ рубятъ, какъ мужчины, онѣ надрубаютъ дерево кругомъ.

За лѣто они успѣли отложить кое-что изъ мужнина заработка да еще на сосѣдней лѣсопильнѣ предвидѣлись большія работы, такъ что они разсчитывали прожить зиму сносно. По зимней дорогѣ нужно было навозить лѣсу, такъ чтобы будущимъ лѣтомъ успѣть построить себѣ избу. Эту же зиму они рѣшили продержаться въ землянкѣ, которая, говоря по совѣсти, была ужасна.

Но они оба были довольны своей выдумкой и веселы, хотя одежда ихъ была въ лохмотьяхъ.

Когда владѣлецъ узналъ, что дѣлается на его землѣ, онъ сильно разгнѣвался. Всякому было ясно, что соткамцамъ не справиться однимъ и что они рано или поздно очутятся на шеѣ у общины. А этого никакъ нельзя было допускать, особенно въ такое тяжелое время. Конечно, хозяинъ воленъ какъ ему угодно распоряжаться своей землей, за которую онъ платитъ подати общинѣ и государству. Онъ пошелъ къ ленсману и потребовалъ немедленнаго выселенія соткамцевъ.

Ленсманъ тоже разсердился.

— Такъ вотъ какъ онъ отплатилъ мнѣ за мое добро!— сказалъ онъ.—Почему онъ не поселился въ своемъ законномъ мѣстѣ? Земля тамъ не хуже здѣшней. Да и вообще это недопустимый безпорядокъ!

*) Полицейскій чиновникъ.

Черезъ нѣсколько дней ленсманъ и владѣлецъ отправились къ лѣсному озеру съ судьей и понятыми, чтобы объяснить соткамцамъ незаконность ихъ поступка и потребовать немедленнаго выясненія.

Что тамъ произошло—не знаю. Знаю только, что новоселамъ разрѣшено было остаться, и что ленсманъ часто говорилъ о нихъ.

— Чортъ ихъ разберетъ, этихъ сѣверянъ. Чистые волки, а не люди!

Да, да. Онъ поминалъ чорта, хотя это вообще рѣдко бывало съ нимъ.

Такъ они и прожили зиму въ своей землянкѣ, и получали кое-какую помощь изъ деревни то тѣмъ, то другимъ, больше одеждой, конечно, потому что на ѣду у нихъ хватало.

На слѣдующее лѣто они выстроили себѣ избу и службы. Съ своего крошечнаго поля они собрали немного ржи и засѣяли его осенью цѣликомъ, все вотъ это пространство.

Лѣтомъ къ нимъ ходили цѣлыми толпами по праздникамъ. Всѣмъ интересно было взглянуть, какъ они живутъ. Приходить съ пустыми руками было неловко, вотъ всякій и приносилъ съ собой, что могъ; а кому нечего было— тотъ оставался у нихъ на день или на два и помогалъ имъ строить домъ или ограду. Я часто думалъ, что люди, собственно говоря, очень охотно помогаютъ ближнему въ нуждѣ, и что нужно только расшевелить ихъ.

Когда настала осень, новоселы перешли въ избу; на скотномъ дворѣ, вы не повѣрите, была даже корова, которую имъ удалось пріобрѣсти наполовину въ долгъ, наполовину въ подарокъ.

Все, повидимому, шло своимъ чередомъ, и новоселамъ вѣрно удалось бы устроиться на новомъ мѣстѣ и зажить своимъ домкомъ, но, видно, не судьба!

Поздней осенью въ нашихъ мѣстахъ появилось какое-то повѣтріе; оно зашло и сюда. Сначала умерла жена, а черезъ нѣсколько дней и мужъ.

Ихъ похоронили на общественный счетъ, а дѣтей взяли въ деревню. Вы видѣли ихъ навѣрное? Они попрошайничали вчера на пристани, когда пришелъ пароходъ. Одному изъ нихъ теперь десять, другому двѣнадцать лѣтъ.

А усадьба понемногу развалилась, новое поле заросло попрежнему травой.

Еще годиковъ пять пройдетъ, и тутъ опять выраститъ лѣсъ, и всѣ забудутъ объ этихъ настойчивыхъ трудолюбивыхъ людяхъ.

Вотъ въ какихъ словахъ передалъ мнѣ Пимо Турпейненъ короткую и печальную исторію соткамцевъ, пока мы обѣдали съ нимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ эти бѣдные люди тщетно попытались свить себѣ прочное гнѣздо.

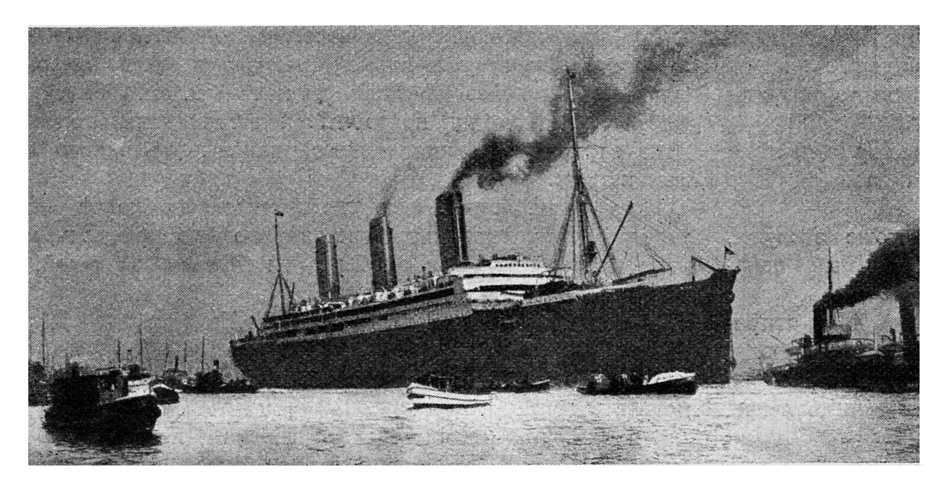
Развѣсистая береза бросала на насъ пріятную тѣнь, а солнце немилосердно жарило заросшую травой и молодыми деревьями подсѣку и темную воду озера, гдѣ продолжала плавать гагара, ныряя отъ времени до времени и позмѣиному изгибая шею. Она привыкла къ полному и безраздѣльному владѣнію озеромъ; наше случайное присутствіе мало смущало ее.

Какъ разъ около меня усердно работала кучка муравьевъ, силясь стащить съ мѣста большого блестящаго жука. Жукъ, повидимому, усталъ отъ тщетныхъ попытокъ освободиться. Онъ неподвижно лежалъ на спинѣ, подобравши ноги и позволяя муравьямъ тащить себя, куда угодно.

Муравьи тащили изо всѣхъ силъ, но часто въ противоположныя стороны, такъ что усилія одного уничтожали плоды трудовъ другого. Если одному удавалось сдвинуть жука съ мѣста, другіе сейчасъ же перетаскивали его назадъ. Жара, видимо, нисколько не мѣшала имъ. Они были въ безпрестанномъ движеніи, ползали другъ черезъ друга и черезъ свою добычу; недоставало только, чтобы они передрались изъ-за нея.

Я съ интересомъ слѣдилъ за ихъ безтолковой возней. Точь-въ-точь такъ же и мы, люди, часто тратимъ свои

НОВЫЙ ПЛОВУЧІЙ ГОРОДЪ.

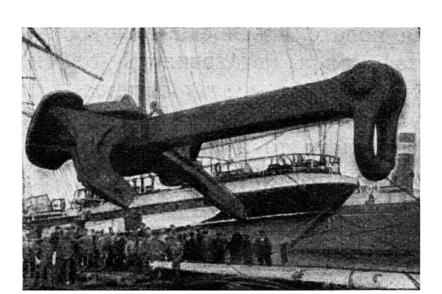
„Императоръ" отправляется въ свой первый океанскій рейсъ.

На Гамбургской верфи спущенъ новый германскій почтовый пароходъ «Императоръ», который, пока не готовъ еще англійскій пароходъ «Гигантикъ», будетъ первымъ пароходомъ по своей величинѣ и быстроходности. Онъ имѣетъ 278 метровъ длины при 30 метр. ширины и дѣлаетъ по 25 миль въ часъ.

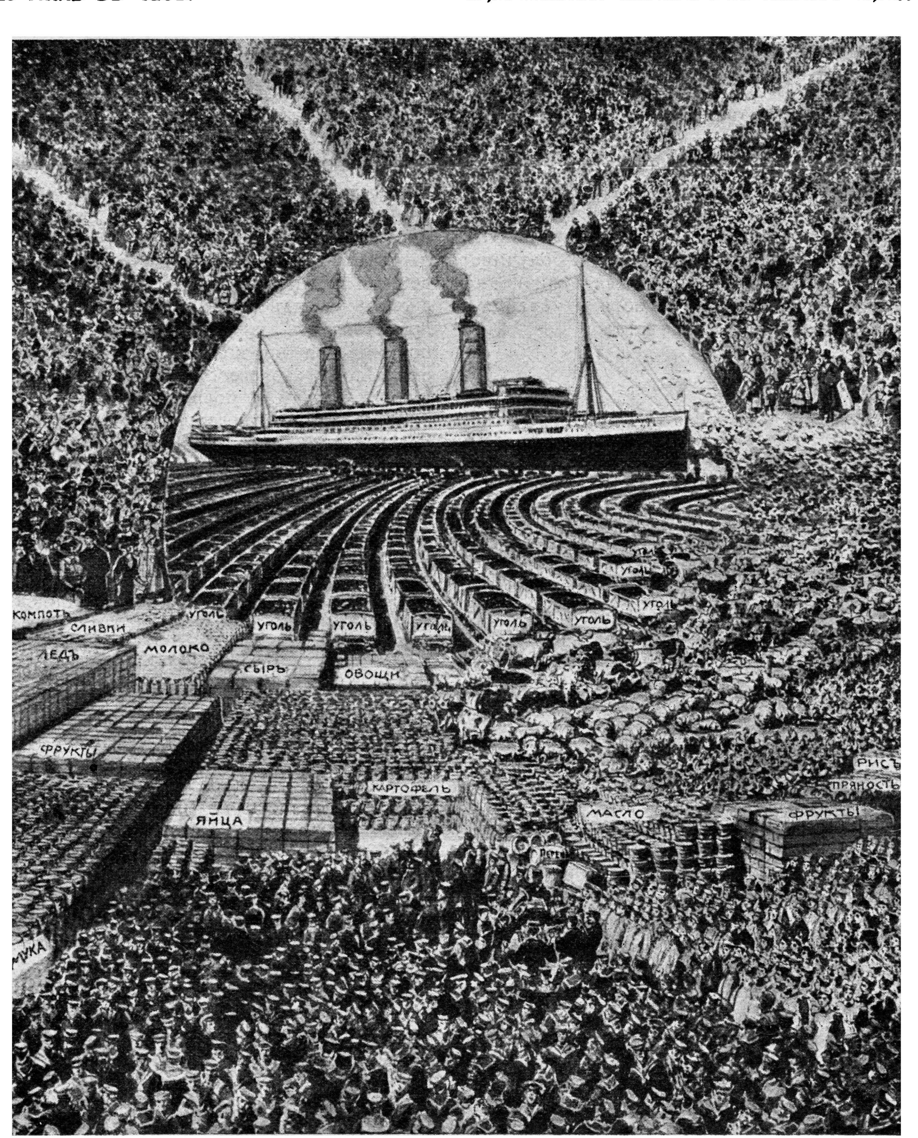
Внутреннее устройство «Императора», который можетъ принять до 4.000 пассажировъ, послѣднее слово удобства и цѣлесообразности. Здѣсь и роскошныя каюты для пассажировъ и экипажа, бальныя, гимнастическія залы и бассейны для плаванія. Освѣщается пароходъ 10 тысячами электрическихъ лампъ. Все также предусмотрѣно для устраненія опасности при пожарѣ или какомъ-либо несчастьи. На бортѣ сорокъ спасательныхъ лодокъ; среди нихъ двѣ моторныя.

Высота парохода отъ киля до верхушки мачтъ 266 метровъ, такъ что, будучи поставленъ рядомъ съ Кельнскимъ соборомъ, «Императоръ» оказался бы на 110 метровъ выше его.

Пароходъ при такихъ размѣрахъ, быстротѣ хода и числѣ пассажировъ долженъ имѣть достаточное количество «пищи» для машинъ и ѣдущихъ на немъ. Запасъ угля равняется 170 тысячъ центнеровъ. Если бы нагрузить этотъ запасъ угля на вагоны, то понадобилось бы 700 платформъ, которыя составили бы поѣздъ въ $6^1/_2$ километровъ длины.

Большой якорь „Императора".

Пассажиры, экипажъ и запасы „Императора".

Нашъ рисунокъ представляетъ наглядно ту массу пассажировъ, угольныхъ и пищевыхъ запасовъ, экипажа и служебнаго персонала, которую вмѣщаетъ на себѣ этотъ новый пловучій городъ.

Пароходъ беретъ съ собой 45.000 фунтовъ мяса, 8500 ф. дичи, 8000 ф. свѣжей рыбы, 1000 ф. дрождей, 48.000 штукъ яицъ, 100.000 ф. картофеля, 350 боченковъ муки (по 180 ф.), 24.000 ф. солонины, 60 бочекъ (по 180 ф.) соли, 5.100 ф. кофе, 7.700 ф. сушеныхъ фруктовъ, 18.000 ф. рису, 5.200 коробокъ сгущеннаго молока, 10.000 ф. сахару и множество другихъ припасовъ, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми утонченными приправами. Напитковъ берется также соотвѣтствующее количество: 15.000 бутылокъ вина, 30.000 литровъ пива, 15.000 бут. минеральной воды. Два дистиллатора доставляютъ въ сутки 20.000 литровъ прѣсной воды.

Якорная цѣпь „Императора".

Рефлекторъ «Императора» равняется свѣту 230.000 свѣчей. Для остановокъ пароходъ снабженъ нѣсколькими якорями, изъ которыхъ самый большой вѣситъ 240 центнеровъ и спускается на стальной цѣпи 1.170 метр. длины.

А. Г.

силы, не видя передъ собой ясной цѣли. Силы измѣняютъ намъ, и дѣло погибаетъ.

Какъ разъ въ ту минуту, когда я протянулъ руку, чтобы дотронуться до жука, онъ рѣшилъ, что довольно разыгрывалъ комедію; щелкнулъ туловищемъ, подскочилъ, перевернулся, всталъ на ноги и проворно удралъ, а муравьи разбѣжались въ разныя стороны, вѣроятно, въ поиски за такимъ же безсмысленнымъ дѣломъ.

Тимо молчалъ. Онъ спалъ, сложивъ руки на животѣ и не чувствуя мухъ, ползавшихъ по всѣмъ направленіямъ по его лицу.

Нѣсколько времени спустя, я, вѣроятно, тоже заснулъ, потому что я вскочилъ отъ крика гагары, который показался мнѣ особенно громкимъ.

Я посмотрѣлъ на часы и разбудилъ Тимо. Мы отправились дальше, то тропинкой, то напрямикъ черезъ лѣсъ, полагаясь на знаніе мѣста и чутье моего проводника.

Къ вечеру воздухъ сдѣлался свѣжѣе; итти стало легче. Мы шли то черезъ гребни холмовъ, заваленныхъ камнями, то вдоль нихъ, то по болотамъ, гдѣ Тимо не упускалъ случая полакомиться еще незрѣлой морошкой.

Зато комары становились все навязчивѣе и смѣлѣе. Стоило намъ на минуту остановиться, какъ они окружали насъ цѣлой тучей, несмотря на трубку Тимо. Мы принуждены были то и дѣло бѣжать, чтобы хоть на время избавляться отъ нихъ.

Вечеръ уже наступилъ, когда мы, обойдя свой кругъ, подходили къ деревнѣ, окутанной дымомъ отъ подсѣкъ, точно густымъ туманомъ. Со всѣхъ сторонъ раздавался звонъ бубенчиковъ и колокольчиковъ коровъ, стоявшихъ за оградой, куда ихъ загнали на ночь, и усердно отмахивавшихся отъ надоѣдливыхъ мухъ.

Отъ дворовъ доносились веселые голоса и смѣхъ деревенскихъ дѣвушекъ и парней, наслаждавшихся вечернимъ отдыхомъ, и долго долеталъ до насъ напѣвъ безыскусной пѣсенки, безъ конца повторявшейся тоненькимъ голоскомъ дѣвочки, шедшей вдоль межевой канавы отъ одного двора къ другому.

Когда я на другое утро переѣзжалъ на лодкѣ черезъ заливъ, чтобы отправиться на пароходную пристань, мальчишки-соткамцы были на берегу и бѣжали за мной, монотонно повторяя:

— Подайте пенни! На хлѣбъ! На хлѣбъ! Подайте пенни.

Парень, который несъ мой багажъ, не совѣтовалъ мнѣ подавать имъ.

— Ихъ вѣдь кормятъ въ деревнѣ, нечего имъ пріучаться тратить чужія деньги на бѣлый хлѣбъ да пряники.

Но то, что Тимо разсказалъ мнѣ о новоселахъ на берегу лѣсного озера, еще живо было въ моей памяти, и я далъ имъ больше, чѣмъ обыкновенно давалъ, столько, чтобы они могли хоть разъ досыта наѣсться бѣлымъ хлѣбомъ и пряниками и всѣмъ, что соблазняло ихъ въ окнѣ деревенской булочной.

Съ шведскаго **Е. Торнеусъ.**

Оружіе человѣка.

Культурно-историческій очеркъ Д. Мэкки.

Странно подумать, что въ цивилизованномъ мірѣ, пользующемся безпроволочнымъ телеграфомъ и летательными снарядами тяжелѣе воздуха, существуютъ еще члены человѣческой семьи, живущіе въ условіяхъ каменнаго вѣка и только начинающіе употреблять огонь въ домашнемъ хозяйствѣ для приготовленія кушанья.

Въ этомъ удивительно древнемъ мірѣ культурный человѣкъ, посмотрѣвъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ ближнихъ, на обитателей Андаманскихъ острововъ, напримѣръ, острова Фиджи или на черныхъ австралійскихъ туземцевъ, можетъ получить нѣкоторое понятіе о томъ, чѣмъ онъ былъ самъ когда-то, во времена возникновенія культуры, нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ тому назадъ.

Оружіе, употреблявшееся на охотѣ и во время войны, представляетъ много поучительнаго. По оружію народа можно безъ большого труда сравнительно прослѣдить его исторію.

Самымъ первобытнымъ народомъ на земномъ шарѣ являются, повидимому, андаманскіе островитяне, такъ какъ въ то время, когда ихъ открыли, они не умѣли добывать огонь. Они могли пользоваться имъ, только поддерживая вѣчно горящіе костры.

Въ этомъ они отличались отъ своихъ австралійскихъ сосѣдей, которымъ были извѣстны средства добывать его по своему желанію. И, тѣмъ не менѣе, у нихъ имѣлся зазубренный гарпунъ для багренья рыбы и черепахъ, отличавшійся очень остроумнымъ устройствомъ. Онъ состоялъ изъ двухъ частей. Когда онъ попадалъ въ черепаху или рыбу, остріе или наконечникъ отдѣлялся отъ гарпуна. Наконечникъ былъ соединенъ веревкой съ рукояткой, которая, будучи сдѣлана изъ бамбука, плавала на поверхности воды, указывая такимъ образомъ, гдѣ находится рыба.

У племени мобендже въ Абабуа въ государствѣ Конго употребляется почти такое же оружіе для багренья гиппопотамовъ. Другія туземныя племена въ самыхъ различныхъ мѣстахъ земли употребляютъ то же оружіе въ измѣненной формѣ, смотря по матеріаламъ, находящимся у нихъ подъ рукою.

Но честь изготовленія самаго чудеснаго въ мірѣ оружія принадлежитъ австралійскимъ туземцамъ. Въ этомъ отношеніи случилось то же, что и въ другихъ: нужда и жизненныя условія заставили ихъ довести бумерангъ до высшей степени совершенства.

Метаніе бумеранга у австралійцевъ.

Замѣтимъ здѣсь къ слову, что девять десятыхъ бумеранговъ, вывѣшенныхъ на стѣнахъ для украшенія залъ и даже музеевъ, отнюдь не бумеранги. Всѣ они обыкновенно не что иное, какъ нелѣпое и безполезное подражаніе.

Правда, нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы полуцивилизованными черными людьми, но сдѣланы только на продажу, а не за чѣмъ-либо инымъ.

Бумерангъ, съ помощью котораго можно надѣлать разныхъ чудесъ, требующихся отъ него, долженъ быть сдѣланъ искуснымъ дикаремъ, который умѣетъ также и бросать его.

Существуютъ бумеранги двухъ родовъ. Бумерангъ перваго рода, будучи брошенъ въ какой-нибудь предметъ, не возвращается назадъ, попадетъ ли онъ въ цѣль или нѣтъ. Бумерангъ второго рода, не попавъ въ предметъ, служившій цѣлью, возвращается къ ногамъ того, кто его бросилъ.

Увидѣвъ въ юности въ первый разъ нѣсколько черныхъ дикарей, бросавшихъ бумеранги на открытой равнинѣ, я почувствовалъ изумленіе, смѣшанное съ благоговѣйнымъ страхомъ. Видѣть, какъ самый обыкновенный предметъ, имѣющій форму серпа, выскользнувъ изъ руки, устремляется впередъ, пролетая отъ шестидесяти до ста ярдовъ, поднимается на воздухъ, описываетъ кругъ около того, кто его бросилъ, затѣмъ возвращается назадъ и, подрожавъ съ секунду въ воздухѣ надъ его головою, падаетъ къ его ногамъ,—поистинѣ необычайное зрѣлище.

Въ нѣкоторыхъ уголкахъ свѣта существуетъ оружіе, имѣющее отдаленное сходство съ бумерангомъ; но не одно изъ нихъ не доведено до той же высокой степени совершенства.

Какимъ образомъ, спрашивается, такому первобытному народу, какъ австралійскіе дикари, удалось изобрѣсти такое чудесное оружіе.

За отвѣтомъ ходить недалеко. Во всей Австраліи не существуетъ дерева или растенія, способнаго къ улучшенію путемъ культуры. Поэтому туземцу приходится либо самому усовершенствоваться во всемъ, что касалось охоты, либо погибнуть. Онъ могъ случайно напасть на идею летучаго оружія, затѣмъ усвоилъ и усовершенствовалъ ее.

Летучій бумерангъ, несомнѣнно, усовершенствованіе бумеранга болѣе простой формы, который отскакиваетъ отъ земли, устремляясь впередъ.

Не слѣдуетъ думать, что бумерангъ является сравнительно безвреднымъ оружіемъ. Стоять на разстояніи семидесяти шаговъ противъ врага, вооруженнаго револьверомъ, не такъ опасно, какъ стоять противъ искуснаго дикаря, вооруженнаго своимъ своеобразнымъ оружіемъ изъ отвердѣвшаго дерева.

Бумерангъ дѣлается изъ темнаго твердаго дерева. Онъ вырѣзается изъ цѣлаго куска дерева, которое часто заставляютъ отвердѣвать искусственнымъ путемъ, пока край оружія не сдѣлается очень острымъ. Вращаясь

съ бѣшеной быстротой около своей оси во время движенія, бумерангъ является поистинѣ смертоноснымъ оружіемъ. Мнѣ довелось видѣть, какъ онъ едва не обезглавилъ одного человѣка, причинивъ ему множество тяжкихъ ранъ.

Надо видѣть, какъ черный дикарь, обитатель дѣвственныхъ лѣсовъ, бросаетъ бумерангъ, нтобы оцѣнить его чудесныя свойства.

Австралійскимъ туземцемъ доведено также до совершенства искусственное приспособленіе для бросанья копья. Послѣднее бросаютъ съ помощью метательной палки или цимеры. Это въ сущности не что иное, какъ ручной рычагъ съ небольшимъ утолщеніемъ, которое вкладывается въ соотвѣтствующее углубленіе на концѣ копья. Копье и рычагъ держатъ въ надлежащемъ положеніи одной рукой. Замахнувшись, дикарь бросаетъ копье, а метательная палка или рычагъ остается въ рукѣ. Пущенное такимъ образомъ съ помощью рычага на разстояніи пятидесяти шаговъ, копье является очень опаснымъ оружіемъ.

Если копье снабжено зубцами, напр., изъ рыбьихъ костей, то единственный способъ вынуть его изъ раны—это либо протолкнуть наконечникъ впередъ сквозь пораженный членъ, либо срѣзать зубцы. Но и то и другое является въ большинствѣ случаевъ мучительной операціей.

Праща и лукъ со стрѣлами, два первобытныхъ оружія, употребляются какъ на войнѣ, такъ и на охотѣ. Послѣ палицы и копья это древнѣйшее оружіе изъ бывшаго когда-либо въ употребленіи.

Въ высшей степени странно, что въ настоящее время существуетъ нація—одна изъ самыхъ древнихъ и консервативныхъ въ мірѣ, а именно, китайцы—которая до сихъ поръ употребляетъ лукъ и стрѣлы и бьетъ въ чанги, чтобы испугать врага, во время сраженія съ современными военными силами. Да не такъ давно и японцы, несмотря на всю свою артистическую туземную культуру, дѣлали то же самое.

Усовершенствованной формой лука является самострѣлъ, употреблявшійся больше на войнѣ, чѣмъ на охотѣ. Многія племена въ разныхъ мѣстахъ земли употребляютъ до сихъ поръ лукъ и стрѣлы.

Каменнымъ сѣкирамъ и палицамъ всевозможныхъ родовъ нѣсть числа. Въ иныхъ видна забота только о пользѣ, явно отразившаяся въ ихъ внѣшности, между тѣмъ какъ другія—сдѣланныя, главнымъ образомъ, новозеландскими маорійцами—чудесно изукрашены и являются настоящими произведеніями искусства.

Первыми оружіями на зарѣ жизни человѣчества были, несомнѣнно, тѣ, которыя давали человѣку возможность добывать себѣ пищу и защищаться отъ своихъ лютыхъ враговъ, дикихъ звѣрей. Изъ каменной сѣкиры и рыбачьей лодки дикаря постепенно развился дредноутъ настоящаго времени. Но климатъ и физическія условія опредѣляютъ прогрессъ человѣка, а потому нѣкоторыя племена или народы, обладающіе до сей поры болѣе или менѣе древней культурой, употребляютъ до настоящаго времени жестокое и варварское оружіе.

Человѣческая натура измѣняется медленно. Упомянемъ для примѣра бичву, тигровыя когти или жало скорпіона—индѣйское оружіе, которое краснокожій носитъ скрытно въ рукавѣ съ цѣлью вѣроломнаго нападенія.

Рыболовные крючки также являются, собственно говоря, оружіемъ, хотя продолжительное и всеобщее знакомство съ ними заставятъ насъ упускать изъ виду ихъ замысловатость и считать ихъ чѣмъ-то заурядным.

Посмотрѣвъ на рыболовные крючки, употребляющіеся въ настоящее время въ Океаніи и во многихъ другихъ мѣстахъ земли, сдѣланные изъ птичьихъ когтей, костей и жемчужныхъ раковинъ, получимъ лучшее понятіе о развитіи нѣкоторыхъ принадлежностей охоты.

Рыболовные крючки, навѣрно, почти такого же древня о происхожденія, какъ копья или каменныя палицы.

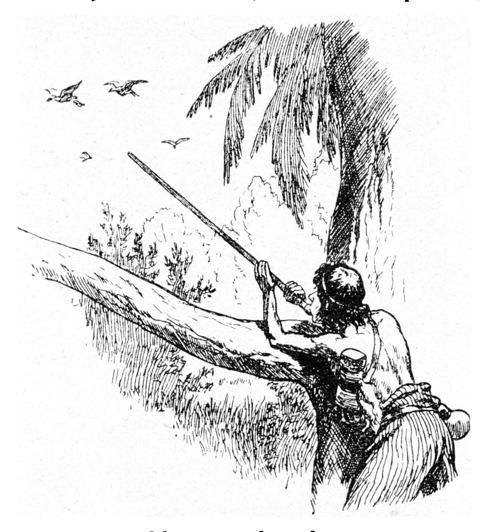
Много лѣтъ тому назадъ, живя въ Сѣверномъ Куинслондѣ, я съ величайшимъ трудомъ охранялъ цѣлость своихъ проволочныхъ изгородей. Окружающія дикія племена обрѣзали

Метанье копья у австралійцевъ.

и таскали проволоку, изъ которой дѣлали рыболовные крючки и наконечники копій. Какъ-то разъ, отражая набѣгъ, я былъ раненъ въ бокъ копьемъ, сдѣланнымъ изъ моей только что поставленной изгороди.

Многія первобытныя племена употребляли и до сей поры употребляютъ туземцы долины по рѣкѣ Амазонкѣ и пигмеи Западной Африки (духовое ружье или трубку). Духовое ружье, употребляющееся въ Гвіанѣ и по верхнему теченію Амазонки, является очень типичнымъ оружіемъ. Стрѣлы, выпускаемыя изъ этого ружья, очень легки и тонки; конецъ, вставленный въ ружье, обернутъ сырымъ хлопкомъ, чтобы заполнить отверстіе трубки, между тѣмъ какъ малайцы употребляютъ для той же цѣли кусочки смолы. Для наконечниковъ нерѣдко употребляютъ колючки и рыбьи кости; но сила стрѣлы состоитъ, главнымъ образомъ,

Духовое ружье африканскихъ пигмеевъ.

въ томъ, что она смазана ядомъ или сильнымъ наркотическимъ средствомъ, которое оказываетъ на жертву одурманивающее дѣйствіе.

А. П.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Рѣдкая библіотека въ Константинополѣ.

Замѣтка Д. Морозова.

Въ Константинополѣ при храмѣ св. Софіи имѣется библіотека, въ которую только недавно, года два-три, разрѣшенъ доступъ иностранцамъ.

Библіотека эта основана султаномъ Махмудомъ (1142—1158 г.) и является безусловно самою рѣдкою и оригинальною библіотекою въ мірѣ; о ея существованіи до сихъ поръ не знали даже постоянные жители оттоманской столицы. Помѣщается библіотека въ небольшомъ зданіи, примыкающемъ къ храму св. Софіи и бывшемъ когда-то христіанской часовней. Въ зданіи всего одна комната. Снаружи стѣны зданія выбѣлены просто известью, а внутри все красиво украшено изящной персидской мозаикой. Потолокъ въ видѣ плоскаго купола выложенъ кирпичемъ, покрытымъ разноцвѣтной эмалью. Узенькія окна запираются изнутри тяжелыми желѣзными ставнями.

Въ библіотекѣ имѣется всего лишь двѣ тысячи томовъ, при чемъ всѣ они исключительно рукописные. Печатныхъ книгъ нѣтъ совершенно. Каталога находящихся въ библіотекѣ рукописей нѣтъ и никогда не было. Причины этого кроются, очевидно, въ томъ, что немногіе изъ людей смогли бы прочесть эти древнія рукописи, многіе вѣка покоящіяся въ пыли на широкихъ полкахъ. Громадные тюки рукописей, перевязанныхъ веревками, лежатъ на палкахъ, отгороженныхъ отъ остального пространства комнаты желѣзной проволочной рѣшеткой грубой работы.

Здѣсь же въ комнатѣ стоитъ шкапъ, въ которомъ хранятся двѣнадцать наиболѣе цѣнныхъ рукописей. Шкапу этому насчитываютъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ; онъ почти весь покрытъ инкрустаціей изъ перламутра и представляетъ рѣдкое произведеніе древняго искусства высокой художественной цѣнности. Многія изъ хранящихся въ шкапу рукописей написаны около трехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ и являются, такимъ образомъ, очень цѣнными и рѣдкими археологическими древностями. Нѣкоторыя изъ рукописей писаны древнимъ классическимъ языкомъ первобытныхъ турокъ, выходцевъ изъ Туркестана.

Языка этого теперь никто не знаетъ, кромѣ нѣсколькихъ хивинскихъ мудрецовъ, которые и могутъ разобрать текстъ рукописей.

Въ библіотекѣ находится огромнѣйшій томъ, написанный рѣдкимъ каллиграфическимъ почеркомъ и оправленный въ золотой переплетъ чудной художественной работы. По преданію это татарская поэма „Диванъ“, написанная въ 911 году извѣстнымъ татарскимъ поэтомъ Гуссейномъ Бискара.

Нѣсколько вѣковъ тому назадъ одинъ изъ турецкихъ султановъ получилъ эту рукопись въ подарокъ отъ персидскаго шаха. Написана поэма на персидскомъ языкѣ. Каждую страницу украшаютъ рѣзьба ивъ золота и исполненные красками рисунки.

Въ шкапу же хранятся двѣ санскритскихъ древнихъ рукописи—тоже подарокъ отъ персидскаго шаха султану Магомету Великому.

Здѣсь же покоится громадная рукопись, подъ названіемъ „Nargai“, на поляхъ которой имѣются замѣтки, сдѣланные рукою Магомета Завоевателя. Пергаментныя страницы „Nargai“ окрашены во всѣ цвѣта радуги, углы и края страницъ изукрашены золотою сѣткою и прелестнѣйшими художественными арабесками. Истинный шедевръ по красотѣ отдѣлки кожанаго переплета эмалью и инкрустаціей изъ мельчайшаго жемчуга представляетъ рукопись, содержащая описаніе звѣзднаго неба.

Но наиболѣе замѣчательнымъ изъ всей библіотеки считается громаднѣйшій томъ in folio, размѣромъ три съ половиной метра на пять метровъ. Написанъ онъ на тончайшемъ пергаментѣ художественнымъ письмомъ. Это копія съ трактата о ботаникѣ и медицинѣ, извѣстнаго подъ заглавіемъ „Положенія медицины“. Авторомъ настоящаго трактата считаютъ Авиксена, знаменитаго арабскаго врача, прозваннаго „княземъ врачей“.

Томъ содержитъ триста страницъ текста, иллюстрированнаго рисунками всевозможныхъ животныхъ и растеній. Рисунки выполнены на рѣдкость художественно и поражаютъ точностью малѣйшихъ мелочей. Копію

съ настоящаго трактата имѣетъ почти каждая изъ европейскихъ библіотекъ, но ни одна изъ нихъ не отличается такимъ изяществомъ, художественностью исполненія и богатствомъ украшеній, какъ копія, находящаяся въ этой константинопольской библіотекѣ.

ИСТОРІЯ ЗОНТИКА.

Очеркъ Е. С.

Дождевой зонтикъ и зонтикъ отъ солнца—родные братья. Старшій братъ, зонтикъ отъ солнца, имѣетъ за собой блестящее прошлое; младшій, дождевой зонтикъ, явился въ свѣтъ сравнительно недавно и довольно скромно. Породила его необходимость. Въ настоящее время оба эти зонтика—необходимая принадлежность культурнаго человѣка. Употребленіе зонтиковъ отъ солнца относится къ незапамятнымъ временамъ. Зонтики были въ обычаѣ у грековъ, римлянъ и восточныхъ народовъ, мужчинъ и женщинъ; только носили ихъ надъ головами своихъ господъ невольники.

Зонтики знатныхъ дамъ Римской имперіи имѣли форму балдахина, палки дѣлались изъ индійскаго бамбука или изъ слоновой кости и были выложены золотомъ. На античныхъ вазахъ встрѣчаются украшенія, указывающія на царившій въ Аркадіи обычай: въ процессіи Бахуса молодая дѣвушка несетъ священный зонтикъ надъ головою бога.

Въ Китаѣ зонтикъ служитъ тоже показателемъ знатности обладателя, какъ и хрустальный шарикъ мандарина. Степень важности узнается по количеству палокъ зонтика: двухпалочный или трехпалочный; четырехпалочный зонтикъ—принадлежность императора или его прямого замѣстителя. Подобные зонтики воздвигаются даже и на крышахъ зданій, какъ символъ царской власти. Зонтики для народа дѣлаются изъ промасленной и раскрашенной бумаги, разрисованной картинками религіознаго содержанія; на краяхъ—изреченія Конфуція. Палка бамбуковая, а ручка изъ гнутаго дерева.

Въ Японіи, Индіи и почти во всей Азіи зонтикъ играетъ роль не только въ повседневной жизни, но и на общественныхъ или религіозныхъ празднествахъ и церемоніяхъ. Боги, бонзы, брамины, цари и князья — всѣ пользуются зонтиками въ видѣ балдахина. Въ большой процессіи въ Яганавѣ, въ которой участвуютъ 100.000 пилигримовъ, возлѣ тріумфальной колесницы Вишну идутъ брамины подъ роскошнѣйшими зонтиками изъ драгоцѣнной матеріи, украшенными жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. На торжественномъ праздникѣ въ королевствѣ Пегу (Индія) красивѣйшіе слоны возятъ гигантскій зонтикъ короля изъ чудной матеріи нѣжнѣйшихъ цвѣтовъ, какъ это было и на Дурбарѣ въ Дели.

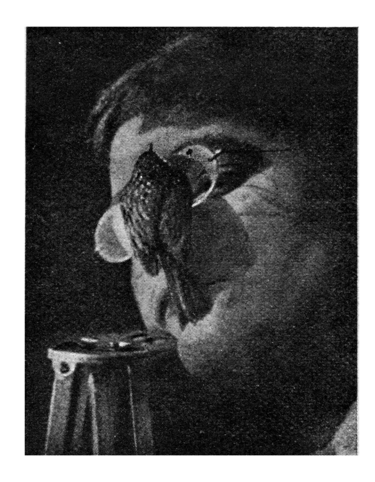
Легкій и красивый зонтикъ появился во Франціи въ XVIII столѣтіи, но только послѣ 1791 года онъ сталъ общедоступнымъ достояніемъ. Въ Испаніи и Южной Америкѣ зонтикъ вытѣснилъ вѣеръ. Королева Викторія подарила султану Махмуду, въ отплату за присланный ей отъ него подарокъ, зонтикъ, стоившій 32.000 рублей. Понятно, что тропическій зонтикъ въ Европѣ выродился мало-помалу въ нашъ дождевой зонтикъ.

Въ Англіи дождевой зонтикъ появился впервые въ 1646 году. Первые французскіе дождевые зонтики были снабжены палками въ 1,20 м. вышины изъ дуба, бука, вяза или розоваго дерева. Все вмѣстѣ съ покрышкой и мѣдной ручкой вѣсило болѣе семи фунтовъ! Стоилъ подобный зонтикъ отъ 45 до 60 франковъ; такіе зонтики переходили изъ рода въ родъ по наслѣдству. Въ 1789 году въ моду вошли дождевые зонтики одноцвѣтные или полосатые изъ желтой, розовой или зеленой тафты.

Съ 1825 года стали предпочитать темные цвѣта: темно-зеленые, каштановые и черные. За это время дождевой зонтикъ подвергся значительнымъ улучшеніямъ. Палка укорочена, китовый усъ замѣненъ сталью, вѣсъ уменьшенъ до одного фунта и величина его значительно сокращена.

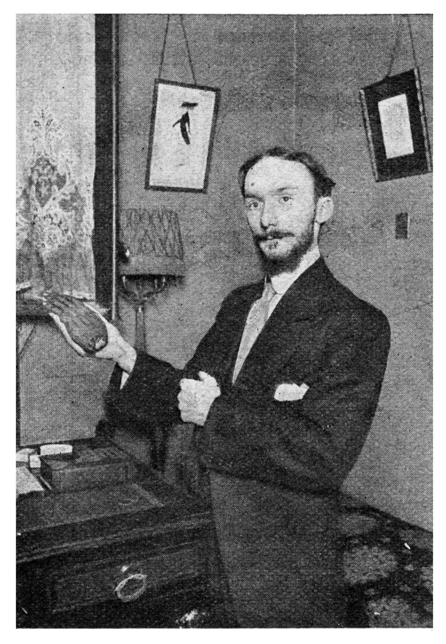
ОХОТА ЗА КУРЬЕЗАМИ.

СТРОПТИВАЯ ПТИЦА.

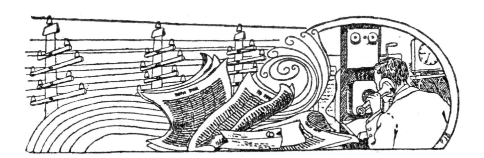

Одинъ фотографъ-любитель поймалъ птицу изъ породы лазящихъ. Она показалась ему интереснымъ объектомъ для фотографіи, и онъ унесъ ее въ карманѣ. Чтобы снять, онъ посадилъ было ее на подставку, но всѣ попытки удержать ее на мѣстѣ оказывались тщетны; прыгнувъ, наконецъ, фотографу на плечо, она оттуда перебралась на лицо и замерла, прижавшись къ носу. Фотографъ рѣшилъ воспользоваться этимъ моментомъ затишья, тихонько добрался до аппарата и снялъ фотографію съ упрямицы, сидящей на его носу.

МУМІЯ РУКИ.

Любопытные опыты мумифицированія труповъ подъ вліяніемъ животнаго магнетизма (способъ д-ра Дюрвиля изъ Бордо) происходилъ на-дняхъ въ Парижѣ подъ контролемъ извѣстнаго авторитета въ области судебной медицины, д-ра Сокэ. Кисть руки мертвеца, пролежавшая около 8 недѣль въ ледникѣ морга, была подвергнута магнетическимъ пассамъ, и въ результатѣ она отвердѣла и приняла пергаментный цвѣтъ и видъ сухой конечности муміи, сохранившейся въ теченіе ряда тысячелѣтій.

ОБО ВСЕМЪ И ОТОВСЮДУ.

Чудеса садоводства въ Китаѣ. Какъ извѣстно, китайцы—большіе любители цвѣтовъ, и садоводство очень распространено въ Небесной имперіи. Но, кромѣ того, китайцы удивительно наблюдательны и потому они сдѣлали много такихъ оригинальныхъ наблюденій, которыя совершенно неизвѣстны другимъ народамъ.

Еще въ 1688 году однимъ китайцемъ, Ченъ-Хоцъ, былъ изданъ календарь по садоводству „Зеркало Цвѣтовъ". Этотъ календарь тѣмъ интересенъ, что въ немъ находятся самыя мельчайшія подробности относительно ухода за растеніями, устройства китайскаго сада и т. д. По мнѣнію китайца, каждое растеніе имѣетъ свою особенность, а потому нужно умѣть съ каждымъ изъ нихъ обращаться. Такъ, напримѣръ, на кожѣ дерева „Каки" можно вырѣзать какіе угодно рисунки, не причиняя ему вреда; Cymbidium—одинъ видъ орхидей—любитъ если у него отрываютъ сухія листья, тогда какъ нарциссъ при тѣхъ же условіяхъ погибаетъ. Померанцевое дерево любитъ сосѣдство труповъ, Gleditschia гибнетъ, если поблизости ея находятся желѣзные обручи съ бочекъ, а банановое дерево растетъ, наоборотъ, хорошо только тогда, когда возлѣ него зарыты гвозди.

Любитель садоводъ долженъ какъ можно лучше обставить свой садъ, чтобы всѣ растенія имѣли необходимыя для нихъ условія такъ какъ „природа, создавшая ихъ, не любитъ, чтобы ей противорѣчили".

Прививка играетъ большую роль въ китайскомъ садоводствѣ и даетъ замѣчательные результаты.

Разведеніе черенками также очень въ ходу въ Китаѣ. Этому занятію по календарю можно предаваться только во время мелкаго и продолжительнаго дождя, при хорошей и ясной погодѣ оно бываетъ безуспѣшно. Черенки фруктовыхъ деревьевъ при посадкѣ втыкаютъ въ рѣпу или морковь, въ то время какъ эти овощи еще находятся въ землѣ. Сѣять, наоборотъ, нужно при хорошей погодѣ, дождь можетъ все испортить. Когда сѣмена начнутъ прозябать, за ними нужно зорко слѣдить: если утромъ кончики всходовъ бываютъ покрыты тонкимъ слоемъ земли, то это дурной знакъ: растеніе выйдетъ плохимъ и чахлымъ.

При поливкѣ тоже нужно соблюдать извѣстный порядокъ. Зимой послѣ жертвоприношеній корни плодовыхъ деревьевъ хорошо поливать водкой, оставшейся отъ возліяній.

Китайцы также мастера мѣнять окраску цвѣтовъ. На бутоны бѣлыхъ хризантемъ они кладутъ небольшія скорлупки съ дырочкой посерединѣ, и сквозь эту дырочку каждое утро пропускаютъ воду, смѣшанную съ индиго или „Basella rubra"; получаются хризантемы голубыя, синія или красновато-коричневыя.

Для сохраненія запаха цвѣтовъ китайцы поступаютъ слѣдующимъ образомъ: если запоздавшій бутонъ мальвы смазать воскомъ и поставить въ воду, то онъ можетъ стоять такъ цѣлый годъ; по прошествіи года онъ можетъ еще распуститься, сохранивъ прежній запахъ, если его опустить въ горячую воду. Цвѣты акаціи, консервированные въ соли, тоже сохраняютъ свои запахи, такъ же какъ и розы, консервированныя въ сахарѣ. з.

Вѣчно строящіяся церкви. Любопытную картину представляютъ собой церкви въ Чили. Онѣ всегда окружены лѣсами, лѣстни-

БЫЛЫЕ ПУТИ ПЕРЕДВИЖЕНІЯ.

Очеркъ М. Круковскаго.

Въ глухихъ мѣстахъ нашего сѣвера, въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской, сохранились до сихъ поръ древнерусскіе торопы, тропинки-пути, по которымъ прежній великороссъ, а позже старовѣръ пробирался вѣковѣчными лѣсами въ ту глушь сѣвера, гдѣ ему вольно было дышать, жить, свободнѣе исповѣдывать свою вѣру. Шелъ онъ въ одиночку и партіями, за нимъ шли другіе, несли въ чуждую глушь свои вѣрованія, обряды, обычаи, наряды, свою культуру, спасая ее отъ тлѣтворныхъ вѣяній современной имъ жизни. Такіе торопы, служившіе путями для насажденія и распространенія русской культуры на сѣверѣ, хотя во многихъ мѣстахъ и забытые, существуютъ и до сихъ поръ. Когда-то они послужили даже для названія городу Торопецъ (Пск. губ.), а теперь замѣтные слѣды ихъ остались, главнымъ образомъ, въ Вологодской губерніи, гдѣ, начинаясь отъ Тотьмы, они проходятъ чрезъ Устюгъ Слободской въ самый Чердынскій край. И если гдѣ-нибудь можно найти до сихъ поръ въ полной неприкосновенности древнерусскіе костюмы, головной уборъ, узоръ, архитектуру, языкъ и обычаи, то именно на пути этихъ глухихъ, еле замѣтныхъ тороповъ.

Бѣлорусскія слѣпыя нищенки на „тракту".

Съ бѣгомъ временъ, съ ходомъ историческихъ событій пути передвиженія перемѣняются. Они превращаются въ большіе широкіе тракты, приспособленные для торговыхъ цѣлей, для передвиженія войскъ и проч. На томъ же глухомъ сѣверѣ, гдѣ люди пробирались лишь торопами, мы видимъ проведенный Петромъ I длиннѣйшій Сумскій трактъ, начинающійся отъ Повѣнца и ведущій на Сумскій посадъ. Петръ I искалъ здѣсь выхода въ Бѣлое море. Подобными трактами исчерчена вся Россія, и всѣ они носятъ названіе того или другого правителя, или историческаго событія. Извѣстны многочисленные Екатерининскіе тракты, названные такъ ею самой, или ознаменованные въ честь ея именемъ, извѣстна «Владимирка», потерявшая теперь свое прежнее значеніе, затѣмъ Александровскіе тракты, а въ послѣднее столѣтіе — широкія, мощеныя, скучныя шоссе.

Самымъ большимъ въ Россіи нужно считать трактовый путь, направляющійся съ сѣвера на югъ, перерѣзающій ее вдоль и оканчивающійся у Черного моря. Этому великому тракту знакомы литовцы, поляки, нѣмцы, французы, былъ онъ свидѣтелемъ тяжелыхъ турецкихъ походовъ, видѣлъ «великолѣпнаго князя Тавриды», Суворова, Кутузова, Наполеона и мн. др. На всемъ своемъ протяженіи онъ уныло-однообразенъ, безпощадно величественъ и навѣваетъ впечатлѣніе дикой мощи и красоты. Смотря по мѣсту и событіямъ, трактъ этотъ носитъ разныя названія. Часть его прорѣзаетъ также Бѣлоруссію и здѣсь онъ извѣстенъ подъ именемъ Краснинскаго тракта.

Начинаясь отъ самыхъ Малаховскихъ воротъ въ Смоленскѣ, онъ направляется на г. Красный, перерѣзаетъ верхнее теченіе Днѣпра и Сожъ и, уходя вдаль длинной лентой, пересѣкая Бѣлоруссію, теряется гдѣ-то почти на границѣ Витебской губерніи и далекой Литвы; а съ другой стороны пересѣкаетъ могилевскія границы, чрезъ Оршу, ведетъ до знаменитой Березины.

Когда-то этотъ путь имѣлъ большое торговое значеніе. Москва вела торговлю хлѣбомъ съ глухою Витьбой и далекой Литвой; Бѣлоруссія посылала обратно свои немногочисленныя богатства: мѣха, кожи, медъ, лыко и др. Торговля находилась въ рукахъ, главнымъ образомъ, русскихъ и евреевъ. Отсюда же близко было для разныхъ сношеній съ могущественной Польшей. Видѣлъ трактъ великолѣпныя войска Польши и Литвы и, печально шелестя верхушками своихъ придорожныхъ столѣтнихъ, плакучихъ березъ, провожалъ славную армію Наполеона.

Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ былая слава Краснинскаго тракта умерла навсегда. Теперь это просто дорога, широкая, удобная, служащая для проѣзда изъ одного мѣстечка въ другое, изъ города въ городъ. Изрѣдка проѣдетъ телѣга, проскачетъ почтовая тройка, подымая бурю пыли; идетъ кучка слѣпыхъ старицъ-нищенокъ въ красочныхъ костюмахъ; изъ далекой Бѣлоруссіи или отъ черниговскихъ границъ онѣ пробираются въ Смоленскъ поклониться Божіей Матери Одигитріи. Лѣниво гонитъ цыганъ табунъ скота, громыхаетъ «балагула», большая крытая фура, переполненная евреями. Въ ней больше десяти человѣкъ. Одни сидятъ, другіе полулежатъ, мужчины, женщины, дѣти. Крикъ на тракту стоитъ невѣроятный. Везетъ, вѣрнѣе едва тащитъ такую балагулу большей частью одна лошадь. А деревья стоятъ и молчатъ. Днемъ они млѣютъ въ знoѣ неподвижнаго воздуха, къ вечеру зажгутся огнемъ заходящаго солнца и бросятъ черезъ дорогу свои длинныя черныя тѣни, а ночью они живутъ какой-то особой жизнью. Думаютъ о минувшемъ великомъ прошломъ, что-то таятъ промежъ себя и навѣваютъ на каждаго впечатлѣніе какой-то дико величественной исторической прелести.

По приказанію Екатерины новостроившіяся дороги и исправляемыя старыя обсаживались четырьмя рядами березъ, такъ что образовалась аллея для пѣшеходовъ. Безъ сомнѣнія, эта мѣра была благодѣтельна не разъ, вѣроятно, благословлялъ ее путникъ, съ котомкой на спинѣ пробиравшійся изъ одного города въ другой.

Краснинскій трактъ, по которому отступали французы въ 1812 г.

Еще и теперь во многихъ мѣстахъ сохранились такіе «прешпекты», къ сожалѣнію, они не подсаживаются вновь; но надо отдать справедливость населенію — порубокъ на «прешпектахъ» не бываетъ.

цами и грудою строительнаго матеріала. Десятки рабочихъ съ озабоченнымъ видомъ снуютъ взадъ и впередъ. Кажется, что все ихъ вниманіе поглощено работой, которая, тѣмъ не менѣе, никогда не подвигается впередъ.

Изобрѣтательность строителей въ этомъ смыслѣ неистощима, и они постоянно придумываютъ что-нибудь новое: то нужно подправить окно или готическую арку, то укрѣпить столбы, перекрыть крышу и т. д. Однимъ словомъ, работы растягиваются на безконечно долгое время, и жителямъ, приходящимъ на богослуженіе, приходится преодолѣвать цѣлый рядъ препятствій, чтобы попасть въ церковь.

Это странное явленіе приводитъ въ недоумѣніе многихъ путешественниковъ. А между тѣмъ объясняется оно очень просто.

Въ Чили существуетъ налогъ на церкви, который взимается только въ томъ случаѣ, когда зданіе церкви вполнѣ закончено. Пользуясь этимъ, духовенство не позволяетъ заканчивать работы и такимъ образомъ избавляется отъ платы налога. в. о.

Средство обуздывать злые языки. Зиму 1806 г. часть французской арміи стояла въ Дармштадтѣ, гдѣ время проходило въ увеселеніяхъ. Дармштадтъ лежитъ въ десяти миляхъ отъ Франкфурта-на-Майнѣ. Этотъ городъ былъ еще свободенъ; благодаря своей торговлѣ, онъ былъ страшно богатъ и уже давно составлялъ центръ, откуда распространялись интриги и всевозможные слухи, направленные противъ Франціи. Такъ, напр., на другой день послѣ битвы при Аустерлицѣ, франкфуртцы увѣряли, что русскіе побѣдили; многіе утверждали даже, что вся армія истреблена.

Наполеонъ, которому все это доносилось, до поры до времени скрывалъ свою досаду, а между тѣмъ, предвидя разрывъ съ Пруссіей, придвигалъ свои войска къ ея границѣ. И тогда, желая наказать дерзость франкфуртцевъ, онъ приказалъ маршалу Ожеро внезапно перейти изъ Дармштадта и *со всѣмъ своимъ корпусомъ* остановиться во Франкфуртѣ.

Въ приказѣ императора значилось, что въ день вступленія французскихъ войскъ городъ долженъ поднести каждому *солдату по мундиру*, капраламъ — по два, сержантамъ — по три, подпоручикамъ — по пяти и т. д!.. Кромѣ того, жители должны были помѣстить солдатъ, а кромѣ того, выдавать столовыя деньги: маршалу по шестисотъ франковъ въ день, дивизіоннымъ генераламъ — по четыреста, бригаднымъ — по двѣсти, полковникамъ — по сту. Сенату предписывалось высылать по милліону франковъ ежемѣсячно во французское казначейство.

Франкфуртскія власти бросились къ французскому послу, но тотъ, по наущенію Наполеона, отвѣтилъ: „Вы утверждали, что ни одного француза не осталось послѣ Аустерлица; императоръ желаетъ дать вамъ возможность счесть, изъ сколькихъ людей состоитъ корпусъ; есть еще шесть такихъ же, а затѣмъ придетъ гвардія“...

Этотъ отвѣтъ повергъ въ уныніе франкфуртцевъ, понимавшихъ, что имъ грозитъ полное разореніе. Но тутъ въ пользу вмѣшался маршалъ Ожеро и, получивъ разрѣшеніе поступить по своему усмотрѣнію, онъ оставилъ въ городѣ только свой штабъ и одинъ батальонъ, распредѣливъ остальные по сосѣднимъ княжествамъ.

Франкфуртцы въ знакъ благодарности Ожеро устроили въ честь его рядъ празднествъ. а. г.

Ферма для разведенія съѣдобныхъ черепахъ. Въ настоящее время въ Японіи, около Токіо, существуютъ единственныя въ мірѣ фермы для разведенія черепахъ.

До послѣдняго времени ловили, главнымъ образомъ, дикихъ черепахъ, жившихъ около воды, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ японскій коммерсантъ Гаттори выстроилъ огромную ферму около Токіо, гдѣ сталъ разводить черепахъ въ большомъ количествѣ. Теперь этотъ коммерсантъ продаетъ ежегодно около 40.000 черепахъ, главнымъ образомъ, въ Японію и Китай.

Ферма занимаетъ нѣсколько десятинъ земли, раздѣленной на небольшіе четырехугольники, наполненные водой. Въ этихъ садкахъ и помѣщаются черепахи по ихъ возрасту, начиная съ только что вылупившихся изъ яицъ и кончая такими, которыя поступаютъ въ продажу, т.-е. имѣющія вѣсъ отъ 40 до 60 фунтовъ.

Черепахъ, несущихъ яйца, помѣщаютъ въ особый садокъ и ежедневно отбираютъ у нихъ снесенныя яйца. Затѣмъ эти яйца раскладываютъ на солнце, и дней черезъ шестьдесятъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей изъ яицъ вылупляются маленькія черепахи. Каждая черепаха несетъ въ лѣто 30—40 яицъ.

Маленькихъ черепахъ кормятъ до конца сентября рубленой рыбой, а въ октябрѣ онѣ зарываются въ илъ и спятъ до апрѣля или мая мѣсяца.

Полнаго возраста черепаха достигаетъ лѣтъ въ пять и только на шестой годъ она поступаетъ на продажу.

Японскія черепахи отличаются злымъ характеромъ и сильно кусаются, такъ что при кормленіи взрослыхъ черепахъ рабочіе должны быть очень осторожны.

Черепахи съ фермы Гаттори цѣнятся очень высоко и вывозятся въ большомъ количествѣ въ разныя страны. н. л.

Новый способъ отыскивать утопленниковъ и потерянныя вещи на днѣ рѣки. Въ Чикаго недавно полиція стала примѣнять слѣдующій остроумный способъ для отыскиванія утопленниковъ и разныхъ предметовъ на днѣ озера Мичигана или рѣки Иллинойса: на небольшой моторной лодкѣ на длинномъ канатѣ укрѣпляется сильный электрическій фонарь, лучи котораго отражаются большой трехугольной призмой на дно рѣки

При помощи этого фонаря съ призмой можно освѣтить дно на глубинѣ 3—4 саженъ. Въ освѣщенномъ такимъ образомъ пространствѣ отлично видать съ борта лодки всѣ находящіеся на днѣ предметы. н. л.

Редакторъ Вл. А. Поповъ.

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—13. П. КОМИСАРЕНКО.

714

ЧИСТОЕ ЛИЦО

получается скоро послѣ употребленія новаго средства

Угрин отъ **ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ**

Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку. Перес. налож. плат. изъ оптов. склада **Рич. Пето.** СПБ. Караван. ул. 5, кв. 28.

514

Красота—Богатство! Сила! Могущество!

БЕРЕГИТЕ ВАШУ КРАСОТУ

посредствомъ аппаратика **„АФРО“** системы Д-ра Гарлана, который уничтож. въ нѣсколько минутъ морщ., прыщи, угри, рябины, веснушки, подбородки, скл. на шеѣ,—словомъ, всѣ дефекты лица у женщинъ и мужчинъ. Цѣна аппаратика 1 р. 65 к. Перес. 35 к., въ Сибирь 75 к. Кремъ „Метаморфоза“ „Секретъ красоты“ баночка 1 р. 50 к. Высыл. по почтѣ наложен. платеж. безъ задатка. **ДАРОМЪ** къ кажд. аппарат. прилаг. руковод. на русскомъ языкѣ для пользованія. Адрес.: **Т-во „СЛАВА“. Лодзь.** В. С.

685

БЕЗЪ РАЗРѢШЕНІЯ

посить можно патъ

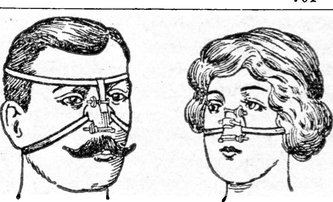
Револьверъ съ 50 патрон. только 2 руб.

Безопасн. и вѣрн. оружіе для самозащ., устрашенія и поднятія тревоги. Вполнѣ замѣн. дорогіе и опасн. револьверы. Поразительно сильно бьетъ. Необходимо всякому. **Разрѣшен. на этотъ револьверъ** не требуется. 50 добавочн. патр. стоятъ 75 к.—100 шт. 1 р. 40 к., за перес. по почтѣ налож. платеж. причисл. 35 к., въ Сиб. 55 к. При зак. 3 шт. прил. одинъ

РЕВОЛЬВЕРЪ БЕЗПЛАТНО.

Адрес.: г. **ЛОДЗЬ,** В. С. Т-ву **„СЛАВА“.**

791

ФОРМОВЩИКЪ НОСОВЪ

„Целло“, патентованной, вновь усовершенствованной конструкціи, исправляетъ всякую некрасивую форму носа (за исключ. костн. дефект.). Одѣв. на ночь. Свыше 30000 въ употребл. Профессоръ и корол. надворный совѣтникъ д-ръ мед. Ганцъ фонъ-Экъ: „Превосходства Вашего носового прибора и достигнутые имъ хорошіе успѣхи побуждаютъ меня постоянно назначать его“. Способъ примѣненія прилагается. Цѣна 3 р., съ точнымъ регуляторомъ—5 р., такого же съ каучукомъ—8 р. Аппаратъ доставл. по полученіи стоимости (можно и почт. марк.) съ уплаченной пересылкой и пошлиной. Наложен. платеж. на 60 к. дороже. Обмѣна допуск. Закажите сейчасъ, указывая на недостатокъ носа, ортопедисту: Л. М. Багинскій, Берлинъ, 254, W. 57, Винтерфельдтштрассе, № 34, Германія.

738

300 рублей въ мѣсяцъ

и болѣе можетъ зарабатывать каждый мужчина легко у себя дома. Совершенно новые пути къ богатству. Подход. и для побочн. заработка. Подр. брошюра и проспекты безплатно. **Лодзь К. 33. Почт. ящ. 367.**

734

Политехническій институтъ Франкенгаузенъ (Германія, Куфг.). Всеобщее и сельскохозяйствен. машиностроительство, электротехника, сооруженія.

571

Книгоиздательство Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Необходима каждому ФОТОГРАФУ-ЛЮБИТЕЛЮ популярная книга:

Д-ръ Э. ФОГЕЛЬ.

КАРМАННЫЙ СПРАВОЧНИКЪ ПО ФОТОГРАФІИ.

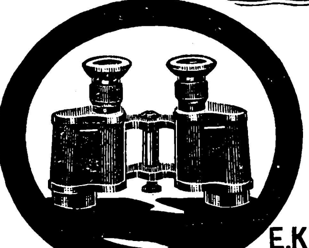
Руководство для любителей.

Переводъ съ 28 нѣмецкаго изданія, подъ редакціей **Ю. К. Лауберта.** Съ 155 иллюстраціями въ текстѣ и 32 на отдѣльныхъ листахъ. **Второе изданіе.** Цѣна въ изящномъ переплетѣ **1** руб. **25** коп.

Отзывы печати: *„Фотографич. Новости“, 1911 г. № 5.* „Книга **Э. Фогеля** представляетъ прекрасное, ясно изложенное руководство по фотографіи, по которому каждый любитель, желающій отнестись къ дѣлу серьезно, легко усвоитъ всѣ процессы фотографическаго искусства. Руководство это очень хорошо переведено на русскій языкъ и чисто издано... Смѣло рекомендуемъ это изданіе всѣмъ фотографамъ-любителямъ, стремящимся къ основательному изученію фотографіи“.

„Рѣчь“ № 159. 1911 г. „Нельзя не привѣтствовать появленія на русскомъ языкѣ извѣстнаго нѣмецкаго руководства для фотографовъ-любителей д-ра Фогеля“...

Имѣется въ продажѣ въ лучшихъ книжныхъ и фотограф. магазинахъ.

БИНОКЛИ КРАУСА

ПОЛЕВЫЕ и ТЕАТРАЛЬНЫЕ

КАТАЛОГЪ БЕЗПЛАТНО

Е. КРАУСЪ—ул. ГОГОЛЯ 5—С.ПЕТЕРБУРГЪ.

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ

для всякаго, имѣющаго песокъ.

ЖИЛЫЕ ДОМА сухіе, теплые вдвое дешевле кирпичныхъ даютъ пустотѣлые камни

ВѢЧНУЮ КРЫШУ огнеупорную, изящную, дешевую дастъ первоклассная цвѣтная черепица

изъ песка и цемента.

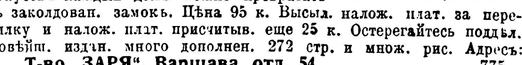
Усовершенствованные станки и машины предлагаетъ машиностроительный заводъ **РЖЕВУСКІЙ и К°, Варшава, Ордынацкая, 7.** Прейсь-куранты безплатно. Руководство инжен.-техн. В. Залѣсскаго въ цѣнѣ 50 коп. наложен. платеж.

745

За 95 к. въ восторгъ приводитъ новая домашняя волшебная книжка.

По этой книжкѣ кажд. можетъ угадыв. чужія мысли, вызыв. привидѣнія, узнать, кто кого любитъ, какъ кого звать. Превратить змѣю въ палку, а воду въ вино. Таинства и секреты магіи открыты наконецъ. Завѣса пала и теперь можно брать раскаленное желѣзо голыми руками, воткнуть гвоздь въ языкъ, пронзить себя насквозь шпагой, показывать отрѣзанную говорящую голову и сдѣлать себя неуязвимымъ. Искусство дѣлать деньги изъ воды. Наполнить мгновенно квартиру водой или туманомъ и масса другихъ поразит. фокусовъ. Во время исполн. фокусовъ каждый домъ можно превратить въ заколдован. замокъ. Цѣна 95 к. Высыл. налож. плат. за пересылку и налож. плат. причитыв. еще 25 к. Остерегайтесь поддѣл. Новѣйш. издан. много дополнен. 272 стр. и множ. рис. Адресъ: **Т-во „ЗАРЯ“, Варшава, отд. 54.**

775

Новость! ТЕМОДИСТЪ-ПІАНОЛА

единственный аппаратъ, для художественной игры на рояли или піанино, выдѣляющій мелодію даже въ аккордахъ, чѣмъ достигается артистическое исполненіе.

Цѣна 650 руб.

Для ознакомленія съ усовершенствованіями

Темодистъ-Піанолы,

таковая

демонстрируется

ежедневно въ моемъ магазинѣ. Подробное описаніе и каталогъ пьесъ безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Москва, Кузнецкій М., д. Захарьина. С.-Петербургъ, Морская, № 34. Рига, Сарайная, № 15

506

ВЕСЕННІЙ УРОЖАЙ

Никогда не были такъ хороши, такъ чрезвычайно хороши наши знаменитые чаи Китайскій Царская Роза Ненчао и Цейлонскій Янхао, какъ они хороши въ настоящее время, нынѣшняго весенняго урожая. Возьмите самый дорогой чай любой фирмы и сравните съ нашими и Вы увидите и убѣдитесь, что чаи Царская Роза и Янхао, несмотря на то, что они почти вдвое дешевле, значительно лучше, вкуснѣе и экономичнѣе всѣхъ чаевъ. Пожалуйста попробуйте и сравните. На пробу этихъ чаевъ можно выписать всякое количество начиная съ фунта—по полфунту того и другого сорта. 1 фунтъ обоихъ сортовъ или одного какого-либо въ отдѣльности высылается во всю Европейскую Россію за 1 р. 85 к.; 3 фунта—за 5 р. 25 к.; 5 фунтовъ—за 8 р. 45 к., при чемъ пересылка идетъ за нашъ счетъ.

Требованія просимъ адресовать:

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ И. Е. ДУБИНИНА Москва, Покровка, 51.

При болѣе крупныхъ количествахъ дѣлаются особыя условія.

Подробный прейсъ-курантъ чаевъ, кофе и какао высылается безплатно.

797

602

Часы и костюмъ за 4 р. 95 к.

высылаю почтой нал. платеж. на костюмъ тройку — пиджакъ, брюки и жилетъ шерстян. трико гладк. черн. или темн.-син. цв. съ хорош. подклад. и часы Анкеръ 1-й сортъ, 18 камн., зав. разъ въ 36 ч. головк., черн. или бѣлаго метал. всего за 4 р. 95 к. За перес. присчит. 70 к., а въ Сибирь разн. вѣсов. При треб. 3-хъ костюм. и 3-хъ час. перес. наша. **ГАРАНТІЯ:** если не понравится, прин. сбрат. Адр.: **М. А. Бабушкинъ, Лодзь, 17.**

780

Высылка и храненіе безъ свидѣтельствъ.

№5

№. 4. Пистолетъ „Тревога“ стальной никелиров. съ орѣховой рукояткой **1** р. **75** к. № 5. Пистолетъ Браунингъ металлич. никелиров., наводящій ужасъ на воровъ и грабителей **2** р. **75** к. Заряды для холост. выстрѣловъ къ обоимъ 50 шт. 75 к., 100 шт. 1 р. 40 к.

Прошу не смѣшивать съ Лодзин. и Варш. игрушк.

ОГРОМН. ПРОИЗВ.

Василія Петрова

№4

Ижевск. оруж. заводъ, Вятск. губ
Прейсъ-курантъ разнообр. ружей безплатно.

706

Больнымъ

Больныхъ, пользующихся Сперминомъ-Пеля, стараются обмануть посредствомъ широковѣщательныхъ рекламъ о жидкостяхъ изъ сѣмянныхъ железъ, причемъ въ этихъ рекламахъ самымъ беззастѣнчивѣйшимъ образомъ искажаютъ факты и ссылаются на имена и труды иностранныхъ ученыхъ, которые никогда и не видали этихъ препаратовъ. Мы считаемъ своимъ долгомъ предостеречь больныхъ отъ этихъ вытяжекъ, такъ какъ онѣ, не имѣя ничего общаго со Сперминомъ-Пеля, часто содержатъ вредныя для здоровья вещества.

При неврастеніи, половомъ безсиліи, старческой дряхлости, истеріи, невралгіяхъ, малокровіи, чахоткѣ, сифилисѣ, послѣдствіяхъ ртутнаго лѣченія, сердечныхъ заболѣваніяхъ (ожирѣніи, склерозѣ сердца, сердцебіеніяхъ, перебоѣ, міокардитѣ,) артеріосклерозѣ, алкоголизмѣ, спинной сухоткѣ, параличахъ, слабости послѣ перенесенныхъ болѣзней, переутомленіи, и проч., только Сперминомъ-Пеля достигнуты тѣ блестящіе результаты о которыхъ свидѣтельствуютъ наблюденія извѣстнѣйшихъ ученыхъ и врачей всего міра.

Слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе

СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ

и отказываться отъ всѣхъ вытяжекъ и жидкостей съ разными названіями, о негодности которыхъ издана особая брошюра, которая высылается безвозмездно съ новѣйшей литературой о Сперминѣ.

Сперминъ-Пеля имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Органотерапевтическій Институтъ Профессора Доктора Пеля и сыновей С. Петербургъ. ESSENTIA SPERMINI-POEHL Ser. TONICUM PHYSIOLOGICUM RUSSIE Prof. DR. DE POEHL & FILS

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ
ПРОФЕССОРЪ Д-РЪ ПЕЛЬ и С-ья
ПОСТАВЩИКИ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСК. ВЕЛИЧЕСТВА
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

758

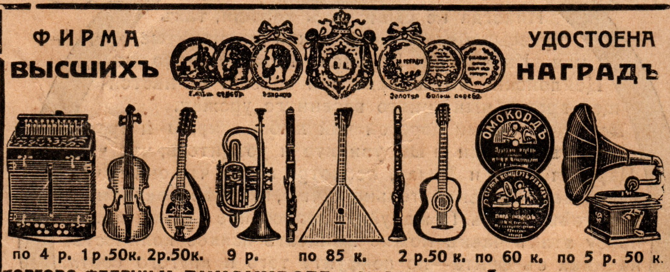

605

Новѣйшее, вполнѣ безвредное тоническое средство
„ЛЕЦИТОФОРЪ“

противъ склероза, туберкулеза, худосочія, малокровія, блѣдной немочи, нервнаго раздраженія, неврастеніи и т. п. заболѣваній. Діэты не требуется. Коробка „Лецитофора“ на 30 пріемовъ (2 недѣли) стоитъ 1 р. 75 коп. съ доставкою; 2 кор. — 3 р. 25 к.; 5 кор. — 7 р. 50 коп. Подробная брош... высылается безплатно. Чудово, Новгор. губ., аптека Лемана. Отд. 19. Имѣется въ продажѣ въ С.-Петербургѣ, у Русск. О-ва Торгов. Аптек. Тов... и у Штоль и Шмитъ.

765

ТОРГОВО-ФАБРИЧ. Т-ВО СПБургъ. **И. ВИНОКУРОВЪ и Н. СИНИЦКІЙ** Садовая **29**

ОТДѢЛЕНІЯ: 1) Невскій, Гостин. дворъ 15. 2) Садовая 35. 3) Невскій 57

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВСѢХЪ МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕН. И ГРАММОФОНОВЪ.

ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ ВСѢМ

600

РОСКОШНЫЕ ВОЛОСА!

„ПОМАДА ВЕЖЕТАЛЬ“

для рощенія и укрѣпленія волосъ.

Приготовлена въ Лабораторіи **А. ЭНГЛУНДЪ.**

Помада эта, по своимъ составнымъ частямъ, имѣетъ неоспоримыя качества передъ всѣми другими, очищая кожу отъ головной перхоти, она въ то же время укрѣпляетъ луковицы волосъ, способствуя ихъ рощенію, такъ какъ, давая обильное питаніе для кожи, предохраняетъ ихъ отъ выпаденія, и волосы получаютъ блескъ и пышность.

Помада, не жирная наощупь. Цѣна банки **1** р. **50** к., съ пересылкой **2** руб.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку **С.-Петербургской Косметической Лабораторіи**, которыя имѣются на всѣхъ этикетахъ. Получать можно во всѣхъ лучши... аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имп... Главные агентства и склады фирмы для Европы: Гамбургъ — **Эмиль Беръ**; В... **Лео Глаубаухъ**, Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца — **Е. Лотаръ**; для Южной и Сѣве... Америки: Нью-Йоркъ — **Л. Мишнеръ.**

Главный складъ для всей Россіи **А. ЭНГЛУНДЪ**, С.-Петербургъ, **Новодере... набережная, 15.**

При этомъ № разсылается подписчикамъ на I-е изданіе журнала „Вокругъ Свѣта“ (7 руб.) книга XII-я и на II-е ... (11 руб.) книга XXIII-я собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., соб. домъ.